

ВЛАДИМИР

КОЛЫЧЕВ

МАСТЕР КРИМИНАЛЬНОЙ ИНТРИГИ

БРИГАДИР

НЕ БУДЕТ ВАМ МИРА

Бригадир

Владимир Колычев

Не будет вам мира

«ЭКСМО»

2011

Колычев В. Г.

Не будет вам мира / В. Г. Колычев — «Эксмо»,
2011 — (Бригадир)

ISBN 978-5-699-50973-7

Досиживает свой срок лидер криминальной подмосковной бригады Спартак Никонов. Эти годы не прошли для него впустую. Он стал «законником», крепко держит зону и воровской общак. Да и на воле у него все схвачено. Однако проблемы пришли, откуда не ждали... Младшая сестра Спартака Катя закрутила любовь с молодым бандитом Костей. Одновременно на нее положил глаз известный олигарх Красновский. Он похищает Катю, но, узнав, что она сестра самого Спартака, отпускает ее. При этом все стрелки он искусно переводит на Костю: дескать, похищение – его работа. Даже Катя в это поверила. Скоро Спартак выйдет на волю, и тогда он разберется, кто прав, кто виноват. И суд его будет суровым, но справедливым...

ISBN 978-5-699-50973-7

© Колычев В. Г., 2011

© Эксмо, 2011

Содержание

Часть первая	5
Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	18
Глава 4	23
Глава 5	28
Глава 6	34
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Владимир Колычев

Бригадир. Не будет вам мира

Часть первая

Глава 1

Прохладно на улице, ветрено, небо затянуто тучами, дождь моросит, лужи под ногами, и через это ненастье мчатся автомобили – мокрые, грязные, злые. На их фоне новенький «Мерседес» мог бы стать приятным исключением. Возможно, машина только что выехала в большой мир из автосалона: чистая она еще, непорочность в сиянии лака. Но исключением она, увы, не стала, потому что выплеснула свою злость, причем в буквальном смысле.

На светофоре загорелся зеленый человечек, но запрещающий сигнал не для «хозяев жизни». «Мерседес» промчался на красный свет, взорвав колесами лужу.

– Сволочь! – взвизгнула Варвара.

Ей досталось больше всего. Крупные брызги полоснули ее по лицу, напитали влагой челку, испачкали куртку и джинсы. И Кате тоже не повезло. Грязные капли забрызгали пальто, намочили подбородок, а одна попала на губы, и ей пришлось отплевываться, чтобы избавиться от чувства отвращения.

Зато Лариса успела отскочить назад. И еще при этом схватила за руку Варвару, чтобы увлечь ее за собой. Ни одна капля не попала на нее, но это не помешало ей выразить свое возмущение:

– Дурак!

Голос у нее глубокий, густой, низковатый, с приятной хрипотцой. Далеко не всякий мужчина может похвастаться таким даром.

Катя промолчала. Она тоже была возмущена, хотела бы дать волю своим чувствам, но не могла она ругаться, не умела. Можно было сказать, что воспитание не позволяло. Но это не совсем так. Все дело в особенностях личности. Бесконфликтная у нее натура, и ничего с этим не поделаешь. А хотелось бы отпустить соленое словечко в адрес «хозяев жизни».

– Ой, чего это? – растерялась Лариса, глядя на возвращающийся «Мерседес».

Наверное, она решила, что владелец дорогой иномарки, услышав оскорбление в свой адрес, решил призвать ее к ответу.

Зато Варвара ничуть не испугалась. Она красивая, эффектная блондинка и свято верила, что должна нравиться всем без исключения мужчинам. И если «Мерседес» возвращается, значит, его хозяин сражен ее красотой.

Она быстро носовым платком промокнула лицо, чтобы не смыть косметику, выжала челку, вскинула подбородок, расправила плечи. И глаза у нее заблестели – вроде бы негодуяюще, но с шансом на прощение. Главное, чтобы владелец «Мерседеса» захотел воспользоваться этим шансом.

Но мужчина, вышедший из машины, едва глянул на нее. Свою яркую, извиняющуюся улыбку он адресовал больше Ларисе, чем всем остальным.

– Дико извиняюсь за своего водителя! – приложив руку к груди, с рисованным раскаянием сказал он.

И сам он яркий. Черные волосы кудрявы, но это, похоже, химическая завивка. Лицо славянское, но кожа смуглая, как будто он только что вернулся из жарких стран. Аккуратная мушкетерская борода шла ему очень, подчеркивая утонченность натуры и ухоженность внешне-

сти. И одет он с изыском человека, следящего за модой. Стильный пиджак, шелковая рубашка под ним, джинсы «от кутюр», дорогие лакированные туфли.

Но при этом он еще и хитрый. И с выдумкой. Катя видела, что мужчина вышел из-за руля, но при этом он извинился за своего водителя. Вроде бы как бы сам и не виноват. Но это скорее забавляло, чем вызывало осуждение.

– Сильно испачкались? – взяв Ларису под руку, спросил он.

– Да нет, совсем чуть-чуть.

Варвара потрясенно смотрела на него. Ее возмущала двойная несправедливость. Во-первых, она пострадала больше всех, но мужчину из «Мерседеса» это совершенно не интересовало. Во-вторых, она чертовски красива, но его внимание приковано к Ларисе. А она не очень симпатичная. Черты лица вроде бы правильные, но им недоставало женской утонченности, отчего иной раз казалось, что Лариса похожа на мужчину. И манеры у нее грубоватые, и походка нескладная. Может, потому и не было у нее никогда парня. И вдруг такой мужчина – смазливый, состоятельный, галантный. Лариса в центре внимания, а Варвара курит в сторонке.

– Вы меня больше всех забрызгали! – с истерическими нотками в голосе воскликнула она.

– Да? Тогда прошу прощения! – вежливо, но без души извинился мужчина.

– И что мне с вашим прощением делать? – наседала на него Варвара в отчаянной попытке приковать к себе внимание.

Но незнакомец упорно смотрел на Ларису.

– Если хотите, я могу отвезти вас домой.

– Хотим! – продолжала навязываться Варвара.

– Тогда прошу!

Хотела бы она, чтобы он взял ее под локоток, открыл для нее правую переднюю дверцу, помог сесть в машину, но эти признаки внимания достались Ларисе. Она оказалась впереди, а Варваре пришлось довольствоваться задним диваном. И Катя села рядом с ней. Мужчина чуточку эпатажный, с хитрецей, а судя по манере плевать на красный свет, еще и нахал. Но на маньяка он точно не похож.

– Все белые люди на задних сиденьях ездят, – с досадой глянув на Катю, сказала Варвара.

И вид у нее потухший, и голос прозвучал тихо, блекло. Да она и сама понимала, что это жалкое оправдание.

– Кстати, если вам интересно, меня Ираклий зовут, – улыбаясь Ларисе, представился мужчина.

– Варвара.

Но Ираклий и ухом не повел. Зато на Ларису отреагировал сразу.

– Красивое имя.

Катя называть себя не стала. Зачем, если она нисколько не волнует Ираклия? И обида здесь вовсе ни при чем. Просто ни к чему озвучивать то, что никому не интересно.

– И у меня имя красивое. Варвара-краса, русая коса.

– Длинная коса, – поправил Ираклий.

– И длинная тоже. Если мне волосы заплести, коса знатная получится... Ну, может, и не очень длинная. Но если волосы немного отрастить...

– Красивые у тебя волосы, – не оборачиваясь, перебил Варвару мужчина. – И коса будет русая. Светло-русая... И сама ты красивая. Настоящая русская красавица. Тебе бы сарафан и кокошник, цены б тебе не было.

Ираклий почти не смотрел на Варвару, но подметил все верно. Действительно, было в ее красоте что-то фольклорное, самобытное. Вроде бы и ничего особенного в чертах ее лица, но глаза красивые, глубокие, самотканая поволока в них. Густые брови, пышные ресницы как

обрамление для этих изумрудов. Парни головы теряли от ее глаз. Только Ираклий совершенно равнодушен к ним. И, говоря о ее красоте, он всего лишь констатировал факт.

– Не совсем правда, – мотнула головой Варвара. – Классические русские красавицы склонны к полноте. А я совсем к этому не склонна. И кость у меня не тяжелая...

– Охотно верю, – даже не глянув на нее, сказал Ираклий. – Может, кто-нибудь скажет мне, куда ехать?

Адрес назвала Катя.

– Так это же совсем рядом.

– Но мы же не можем идти домой грязные и мокрые.

Варвара так наклонила голову в просвет между передними креслами, что ее волосы едва не касались его плеча.

– А живете все вместе? – глядя на Ларису, спросил Ираклий.

Но ответила ему Варвара:

– Да. В одной квартире. Одну квартиру на всех снимаем. Мы здесь в университете учимся...

– Да? Я почему-то подумал, что в школе.

– Нет, мы школу закончили. Сейчас на первом курсе.

– Значит, одни в Москве живете, без родителей...

Катя подозрительно посмотрела на Ираклия. Обдумывает он что-то. Она не видела его глаз, но чувствовала каверзы какие-то в них. В школе они уже не учатся, значит, совершенно-летние, и статья за соращение малолетних в их случае неприменима. Хотя это не так, и на самом деле восемнадцать лет еще никому не исполнилось, но Ираклий мог ошибаться в своих рассуждениях. Или он думал только об одной Ларисе, поскольку ее подружки его не интересовали. А может, Катя и вовсе заблуждалась в своих подозрениях... Хотелось бы, чтобы все так и было.

– Да, без родителей. Мы втроем здесь – как одна семья, – отозвалась Варвара.

– Хорошо вам, сами себе хозяева. Хоть всю ночь гуляй, никто ничего не скажет, да?

– Бывает, что и всю ночь гуляем... И даже с парнями!

– Не знаю, не знаю, – покачала головой Катя.

Оправдываться перед Ираклием ей не хотелось, но душа взывала к справедливости. Не гуляла она с парнями и не хотела. Вернее, не попадался ей еще такой молодец, который мог бы вскружить ей голову. А дружить с кем-то для галочки не хотелось вовсе. Да и учеба давалась ей не очень легко, а она привыкла быть отличницей, потому и корпела над учебниками все свободное время.

– А у тебя, Лариса, парень есть? – спросил Ираклий.

– Нет, – смутилась от столь прямолинейного вопроса девушка.

– Лариса у нас популярностью не пользуется, – заявила Варвара.

Катя возмущенно посмотрела на нее.

С Варварой и Ларисой она сдружилась в университете, с первых дней учебы. И даже предложила им жить в одной с ней квартире, которую в Москве сняла для нее мама. А Варвара с Ларисой дружили еще в школе и в университет вместе поступили. Только отношения между ними не очень честные. Варвара считала себя неотразимой красавицей, но при этом она нуждалась в Ларисе, чтобы на ее фоне сиять еще ярче. Она была первой скрипкой в этом дуэте, и Лариса всегда ей подыгрывала. Причем сама Варвара не считала зазорным унижить свою подругу. Вот и сейчас ее понесло. Наверняка от зависти. И Лариса молчит, опустив глаза, даже не пытается защищаться.

– Вроде бы и симпатичная она, – капнула меду Варвара. – Но парни почему-то обходят ее стороной.

– Да? А мужчинам нравится. Зрелым мужчинам. Вот мне, например, нравится, – сказал Ираклий.

Лариса от смущения еще ниже опустила голову. А Варвара от зависти закусила губу.

– Ты, Лариса, не слушай свою подружку. Каждому человеку свойственно ошибаться. Кстати, есть предложение. Сейчас я отвезу вас домой, а вечером заеду за тобой. Можем сходить в театр... Или в ресторан...

– Еще чего! – вспыхнула Варвара. – Мы ее одну не отпустим! Правда, Катя?

– Ну, я думаю, Лариса достаточно взрослая девушка, и ей самой решать... А если вы не хотите ее отпускать, то можете поехать с нами. В ночной клуб. Танцевать любите? – спросил Ираклий, глянув на Варвару как на помеху, но не самую досадную.

– И петь, и танцевать.

– Да, кстати, фольклор сейчас в цене.

– Почему фольклор? Я нормальные песни пою, современные.

– И хорошо получается?

– Очень.

– Ну, тогда тебе продюсер нужен. Только фактура у тебя русская народная. Тебе бы в сарафане петь да в кокошнике...

Впервые за все время Ираклий смотрел на Варвару с интересом. Хотя чувственности в нем ни на грамм. Какой-то деловой интерес, как у рабовладельца к плененной девушке. Как будто он купить ее собирался, чтобы затем выгодно продать.

Не нравилось это Кате. Очень не нравилось.

– Много вы знаете! – обиженно отмахнулась Варвара.

– Поверь, я в этом разбираюсь.

Немного подумав, Ираклий протянул ей свою визитку.

– Ух ты! Ираклий Валерьев! Знаменитый продюсер! – взвизгала от восторга она.

– Заметь, я тебе ничего не предлагаю.

– Но я правда хорошо пою! Если нужно фольклор, то и фольклор могу.

– Да, фактура у тебя фольклорная. И в кокошнике ты будешь смотреться превосходно... Даже имя сценическое придумывать не надо. Варвара-Краса. А что, звучит! Если бы еще голос...

– Лариса, ну скажи ему! – вне себя от возбуждения Варвара чуть ли не умоляюще смотрела на подругу. – Скажи, как я хорошо пою!

– Да, Варвара в школе лучше всех пела.

– Если Лариса сказала, тогда попробуем... Можно прямо сейчас на студию. А чего тянуть?

От восторга у Варвары захватило дух. Но Катя близка была к панике. Что, если никакой это не Валерьев? Что, если какой-то самозванец пытается заманить их в коварную ловушку?

Но волнения оказались напрасными. Валерьев оказался самым настоящим. И звукозаписывающая студия, куда он их привез, ничем не напоминала бутафорию. А находилась эта студия в офисе продюсера, занимавшем часть первого этажа старинного особняка в центре Москвы. Правда, здесь никого не было: воскресенье, выходной день. Но Ираклий своим ключом открыл дверь, снял помещение с сигнализации, провел девушек в студию, усадил на кожаный диван, напоил кофе. Даже бутылку французского коньяка на стол поставил, правда, выпить не предложил. Дескать, если есть у кого желание, то пожалуйте. Но алкоголь никого не прельщал, и сам Ираклий не прикоснулся к бутылке.

Как-то так вышло, что он оказался на диване между Ларисой и Варварой. Но одну он обнимал за талию, прижимая к себе, а с другой вел исключительно деловой разговор, настраивая на испытание. Варвара была очень взбудоражена, и Валерьев хотел, чтобы она успокоилась. Лариса же возбужденной не казалась, но с легкостью позволяла обнимать себя. Вне вся-

кого, Ираклий нравился ей, и она не собиралась отказывать ему в его притязаниях. И Катя все понимала, хотя и не одобряла ее поведение.

Варвара успокоилась, сосредоточилась, и он провел ее в комнату за стеклом, объяснил, как работать с микрофоном, надел наушники, сам встал за пульт, настроил аппаратуру.

Он выбрал для Варвары простую песню, но, увы, «Ой, цветет калина» в ее исполнении прозвучала совсем неубедительно. В школе Варвара, может, и была лучшей, но для сцены совершенно не подходила. И слышно это было невооруженным ухом. И даже неискушенному человеку понятно, что слабый у нее вокал. А Катя могла сказать это как человек, восемь лет отучившийся в музыкальной школе. Пусть это был класс фортепьяно, но к урокам сольфеджио она относилась со всей серьезностью прилежной ученицы.

Ираклий сожалеюще развел руками, и Варвара поняла, что не быть ей эстрадной звездой. Сдаваться она не привыкла и пыталась объяснить, что на самом деле поет она гораздо лучше, но Валерьев был неумолим. Не подходит ему Варвара, и точка.

– Но я на самом деле очень хорошо пою! Просто я вчера холодное мороженое ела...

– Мороженое горячим не бывает, – осадил ее Ираклий. И как будто для того, чтобы избавиться от докучливого претендента на звездные лавры, скрылся в своем кабинете. Причем вместе с Ларисой. Переживая за Варвару, Катя упустила момент, когда Валерьев увлек за собой свою новую подружку, и не успела воспрепятствовать этому. Но дверь в кабинет уже закрыта, и глупо в нее ломиться.

– Не, ну скажи, он в своем уме? – истеричным тоном спросила Варвара.

Катя уныло вздохнула. Увы, но подруга уготовила ей роль жилетки, в которую она будет плакаться и сморкаться.

– Человек с головой не дружит! У меня красота, голос, а он кого выбрал? Лариску?! Да на нее ни один нормальный мужик не глянет!

Одно хорошо, Валерьев где-то рядом, и это вынуждало Варвару говорить вполголоса. Она не торопилась сжигать за собой мосты, поэтому боялась, что Ираклий ее услышит.

– Значит, он ненормальный. Значит, ни черта в музыке не понимает! А еще продюсер!

Варвара требовательно смотрела на Катю: она хотела, чтобы та с ней согласилась. Пришлось кивнуть, чтобы хоть как-то ее успокоить.

– Тебе же понравилось, как я пою? – наседала на нее Варвара.

– Да.

– Главное, чтобы тебе нравилось! Ты же аудитория, и тебе должно нравиться, а не ему! Он всего лишь посредник между мной и аудиторией, и он должен ориентироваться на тебя! Ты ему скажи, что тебе понравилось. Это для него главное! – с беспомощным гонором рассуждала Варвара.

– Мне кажется, Ларису он больше послушает, – усмехнулась Катя.

– Ларису?! Вот обломилось ей! Какой мужик! И еще продюсер! – завистливо скривилась Варвара. – И что они там делают?

Она подошла к двери, приложилась к ней ухом.

– Да! Быстро у них *это*... И чего он такого в ней нашел?

– Ты несправедлива к Лариске, – покачала головой Катя. – Симпатичная она. Ну, не красавица, но симпатичная...

– Ты что, не видишь, как она ходит? Как медведь косолапый! Смотреть противно!

– Надо будет, научится ходить.

– А то я ее не учила! Только без толку все... Ходит, как мужик, говорит, как мужик. И вообще, на мужика похожа!

– Не знаю, на лицо она симпатичная, – не сдавалась Катя.

– Симпатичная, симпатичная... Но Ираклий не для нее... А-а, знаю! – озаренно и с фальшивой радостью улыбнулась Варвара. – Он уже пресытился красавицами, вот и захотелось чего-то такого, необыкновенного... Он сейчас ее отматросит и бросит!

– А ты и рада, – с упреком глянула на нее Катя.

Хоть и не хотела она ссориться с подругой, но и промолчать не смогла. Слишком уж беспардонно вела себя Варвара.

– Я не рада. Я за Лариску переживаю...

Варвара махнула на нее рукой, налила в свою чашечку из-под кофе коньяку, выпила, закусив печеньем. Только затем спохватилась, предложила Кате присоединиться, но та покачала головой.

Из кабинета Ираклий вышел с восторженно-изнеможенной улыбкой. Распаренный, запыхавшийся, но счастливый. И Ларису он обнимал как родную. Она прятала глаза, а он обожающе целовал ее в щеку, в губы. И Катя с Варварой ничуть его при этом не смущали.

– Хорошо с вами, девчонки! – разудало повел он рукой, будто собираясь объять весь мир.

После чего сел вместе с Ларисой на диван, нежно привлек ее к себе, чмокнул в щеку. Он был в столь замечательном расположении духа, что не заметить этого мог только слепой. И Варвара постаралась воспользоваться моментом.

Ой, цветет калина в поле у ручья.

Парня молодого полюбила я.

Но Валерьев махнул на нее рукой – весело, но вместе с тем беспощадно. И как будто в поисках защиты от Варвары посмотрел на Катю:

– Может, ты попробуешь?

– Ну, не знаю, – пожалала она плечами, глянув на дверь, за которой находился пульт.

– Да нет, без аппаратуры. Так, от души... Ой, цветет калина в поле у ручья...

– Парня молодого полюбила я, – подхватила Катя. – Парня полюбила на свою беду...

Вокал не задался. Так, ничего особенного, уровень художественной самодеятельности. Катя знала, что могла бы спеть и лучше. Но неожиданно для всех, и прежде всего для нее самой, Ираклий заслушался. Восторга не было, но деловой интерес проклюнулся.

Оказывается, в ее голосе Валерьев обнаружил некую изюминку, что могло бы вывести Катю, как он выразился, в разряд ярких индивидуальностей. И еще оказалось, что у нее абсолютный слух, но этому она ничуть не удивилась.

– И симпатичная ты... Даже красивая... – Он смотрел на Катю так, как будто впервые ее увидел.

Краем глаза она заметила, с каким пренебрежением фыркнула Варвара. И голову отвернула, задрвав подбородок. Но это зависть.

– Но красота – это не самое важное. Главное, индивидуальность, особенность. И выразительность. Чтобы душа наружу. Смотришь на человека и душу его видишь... Есть в тебе изюминка, есть. Я бы мог с тобой поработать.

– А оно ей нужно? – хмыкнула Варвара.

Действительно, эстрада не прельщала Катю. Она хотела быть юристом, и она должна им стать. А сцена – это для других, для тех, в ком честолюбие через край перехлестывает.

Она могла бы поблагодарить Валерьева и вежливо отказаться от всякого сотрудничества с ним, но пренебрежительный тон Варвары задел ее. Ругаться с подругой она не хотела, но назло сказала «да», когда Ираклий сделал ей предложение продюсерских руки и сердца.

Глава 2

*Слезы о тебе, слезы капаяют.
Ты ушел, а я – без тебя одна...*

Арбалет не выдержал и переключил на «Русский шансон».

*А я сяду в кабриолет.
И уеду куда-нибудь...*

– Вот это вещь, это я понимаю! На кабриолете, куда-нибудь!.. Хотел бы я куда-нибудь на Канары зарулить...

Арбалет потянул на себя руль, как летчик – штурвал самолета. Как будто взлететь на «бумере» хотел. Но машина, конечно же, продолжала катить по дороге. Никакие Канары Арбалету не светят – во всяком случае сейчас. Работы валом. Коммерсанты все больше наглеют, братву кидают, под ментовские «крыши» переходят, а то и вовсе своей охраной обрастают. А Карп каждым своим клиентом дорожит и так просто никого от себя не отпускает. Он крутой и никого не боится, даже ментов. Поэтому и с ними приходится на разборки выезжать, если, конечно, это не РУБОП или спецназ. С обычными, районными ментами Карп особо не церемонится. Если вопрос на «стрелке» не решается, то к проблеме и киллер подключиться может.

Правда, Костя Базальт и Арбалет мокрыми делами не занимаются. Их дело – разборки. И с ментами приходится терки устраивать, но больше с коммерсантами, которые сами себя охранять вдруг начинают. В этом деле у Карпа Черкан главный, Базальт и Арбалет у него на подхвате, как и остальные пятеро бойцов. Но бригадир сейчас на месте, и все другие отдыхают, только они двое на острие событий. Им с одним чудилой разобраться надо, который вдруг отказался платить.

Всю бригаду Черкан высылать на это дело не стал. Расчет простой: если вдруг чудила ментовскую засаду выставил, то лучше пусть двоих заметут, чем всех. А замести могут. Поэтому под курткой ствол, там же за поясом заявление, дескать, нашел «железо» и несу его в ментовку. Только вот карманов нет, чтобы листок этот туда вложить. Все карманы наглухо зашиты, это для того, чтобы наркоту некуда было подбросить, ну, или патрон.

– Смотри, как бы на нары не зарулить, – недовольно буркнул Базальт.

И снова переключил автомагнитола на «Русское радио», где пела Катенок. Нравилась ему эта молодая певица, было в ней что-то такое особенное, отчего ухало сердце. И в голосе милое обаяние, и во внешности. Красивая она, хрупкая, нежная, женственная. И чувственность в ней – сильная, но непорочная.

– Эй, ты чего?

– А нравится.

– Да брось ты! Что здесь может нравиться?

Базальт не ответил. Он дослушал песню до конца и только затем переключился с одной программы на другую.

– А кто это вообще поет? – спросил Арбалет.

Мощный он, рослый, с бычьей шеей. В общем, зрелище не для слабонервных. С ним лучше не связываться, удар у него такой, что и насмерть зашибить может. Костя уступал ему в комплекции. И ростом он пониже, и в плечах поуже. Но Арбалет его побаивался, потому что базальтовый стержень у него внутри. Непросто сбить его с ног. Арбалет однажды попробовал – не получилось. Зато сам потом полчаса из отключки выходил...

– Катенок. Певица такая. Она только появилась, ее еще мало кто знает.

– А ты знаешь?

– Ну да.

Катенок только гастролировать начала, круг по Золотому кольцу сделала, закончила в Москве. Костя побывал у нее на концерте. Понравилось. Но Арбалету об этом лучше не говорить. Он попу не жалуется. Да и вообще...

– И я знаю... Может быть, даже больше тебя, – ощерился Арбалет. – Мы к кому сейчас едем?

– Да мне все равно.

Вся информация у Арбалета, он сегодня за старшего. А Базальт знал только, что коммерсант не очень серьезный и особых проблем с ним быть не должно. Хотя все может быть.

– К Валерьеву мы едем. Продюсер такой.

– И что?

– Ну, продюсер. Не понимаешь? Певцами всякими занимается, певицами. Ну, теперь сечешь? Может, Катенок твой у нее поет?

– Не Катенок, а Катенок, через «а»... Катенок у него? – озадачился Базальт. – Думаешь, он Катенком рулит?

– Ну, кто-то же рулит.

– А почему именно он?

– Ну, продюсер потому что. Их не так уж и много по Москве. Крутой там, Николаев... Ну, и Валерьев. Может, он ею и рулит. Ну и заруливает, по ходу... А ты думаешь, у них чисто платоническая любовь, да? Не знаешь, как у нас звездами становятся? Через тернии к звездам. И на лыжах. Раз-два, раз-два...

Базальт и сам знал, что эстрадные звезды к своим олимпам, как правило, стартуют из постели продюсера или очень богатого спонсора. И Катенок наверняка с кем-то спит. Но ведь она не клялась Косте в любви, не обещала хранить верность. Она вообще про него ничего не знает. Так что какие к ней претензии?

– Я не знаю, как звездами становятся. Я знаю, как их зажигают. Если кулаком промеж глаз, столько звезд на небе будет?

– Это намек? – развеселился Арбалет.

– Толстый намек, – уточнил Базальт.

– Я смотрю, ты конкретно на нее запал.

– Ты на дорогу смотри.

– Если запал, то извини. Ну, за лыжи. Может, и не было у них ничего...

– Было и было...

– Вот-вот, может, и было! Злей будешь! Точно, за Катенка с него спросить надо!

Костя с иронией посмотрел на напарника. Арбалет знал свое дело, мастерски умел кошмарить бизнесменов. И сам он умел завестись на пустом месте, чтобы наехать на жертву всей своей массой, и Базальта учил, как это делать. А тут вдруг еще и повод появился, чтобы разозлиться на продюсера, встать на боевой взвод. Только не факт, что Катенка раскручивает именно Валерьев.

– Только если ты там ее вдруг увидишь, не раскисай, понял? – нахмурился Арбалет, вспомнив, что за клиента Черкан будет спрашивать с него, а не с Базальта. – Только дело! Только жесткий наезд! И никаких соплей! И чтобы слезы не капали, понял?

– Понял. Только чертей гнать не надо. Не страшно.

– Не страшно... – огрызнулся Арбалет. – Посмотрим, что ты скажешь, когда Черкан за яйца подвесит.

– Не подвесит.

– Хотелось бы... Все, приехали!

«БМВ» носом уткнулся в бордюр парковочного кармана. Новенький «Мерседес» S-класса на стоянке, еще две иномарки попроще. Мраморное кольцо через дорожку тротуара, хромированные перила, сияющая золотом вывеска: «Продюсерский центр «Трилит».

Базальт вышел из машины и нос к носу столкнулся с мордастым громилой в галстуке под черным двубортным пиджаком. Парень только что вывалился из дверей продюсерского центра.

– Эй, сюда машину ставить нельзя! – заявил он.

Он грубил, изображая из себя крутого. Но вроде бы и не нарывался, понимая, что не с лохами дело имеет. И машина солидная, и Костя Базальт – парень не из последних. Черты лица у него правильные, но жесткие, и что-то волчье в них. Даже пиджак у него из волчьей кожи. Хотя вряд ли громила разбирается в таких тонкостях. Зато он хорошо считывал информацию с глаз. Базальт снял модные солнцезащитные очки и так посмотрел на него, что вышибала невольно поежился. Морозный у него взгляд, забористый.

Тут еще и Арбалет вышел из машины, а вид у него внушительный. Ему и смотреть на противника не надо, чтобы произвести впечатление.

– Нельзя тут останавливаться, – растерянно проговорил вышибала.

– Мы к Валерьеву, – с пронзительным спокойствием сказал Базальт.

– Э-э... А кто вы? Как вас представить?

– Машину охраняй, – сплюнув громиле под ноги, распорядился Арбалет. – А мы сами представимся...

Они уже вошли в холл продюсерского центра, когда шокированный охранник пришел в себя. Он догнал их, но Арбалет выдернул из-за пояса ствол и наставил на него. А Базальт ударил его по ногам, подсечкой сбив на пол, и концентрированным ударом пробил ему «солнышко». Приходить в себя громила будет долго. Чем крупнее «шкаф», тем тяжелее ему подниматься. Закон физики. Чем больше «шкаф», тем труднее его свалить. Но с этим у Базальта без проблем. Черный пояс у него, второй дан. И реальный боевой опыт.

– Идиот, – глянув на охранника, сказал Арбалет.

Видно, громила возмнил себя Гераклом, если так смело вышел разбираться с незваными гостями. Ему бы в холле запереться, тогда те не смогли бы пройти в офис. Двери хоть и стеклянные, но Арбалет не настолько глуп, чтобы хвататься за кувалду. Все-таки центр Москвы, и менты уже не такие беззубые, как прежде. Но вышибала и сам попал, и босса своего без охраны оставил.

Офис у Валерьева небольшой, но с отдельным входом. И отделка помещений на уровне. Гранитный пол, дверь из красного дерева, приемная за ней, просторная, с кожаной мебелью, только за компьютером почему-то не девушка сидит, а парень. Модно одетый, весь такой лохотный, прилизанный.

– Да, мы бы хотели заказать номер в вашей гостинице... Люкс? Отлично... Да, цена нас устраивает...

По телефону он разговаривал бойко, деловито. Возможно, он здесь не просто референт, но и какой-нибудь концертный администратор.

Возможно, продюсер для того и взял на такую работу парня, поскольку от девушек одни проблемы. Скажешь секретарше лавры для звезды заказать, а она будет думать о том, как на себе их примерить... Хотя и мужиков хватает, которые не прочь засветиться на звездном небосклоне.

– Да, спасибо!

Глядя на гостей, паренек поднялся, положил трубку на стол.

– Здравствуйте! Чем я могу вам помочь? – с заметным напряжением в голосе спросил он.

– Здорово, пацанчик, – осклабился Арбалет. – Это у вас тут звезд делают?

– Коля у нас и петь может, и танцевать, – усмехнулся Базальт. – Валерьев где? Коля ему сейчас «Мурку» слабает.

– Ираклий Борисович занят.

– Да пошел ты!

Арбалет распахнул правую дверь, но попал в сумрачное помещение, заставленное звукозаписывающей аппаратурой. Комнатка там за стеклом, где должна петь звезда. Такие студии Базальт видел в кино. Он никогда не мечтал попасть сюда наяву. И сейчас ничто не екнуло у него в душе. Таланта у него нет, чтобы стать звездой. Да и желания тоже... Вот в кино он бы снялся. В каком-нибудь боевике. Желательно в паре с Ван Даммом. Но Валерьев здесь бессилен.

Арбалет понял, что не туда попал, и повернул к другой двери. Секретарь пытался перегородить ему путь, но Арбалет так рыкнул на него, что парня как ветром сдуло.

Хотел бы Базальт застать Валерьева в компании с Катенком, но продюсер был один. Уткнулся в монитор компьютера, по клавишам стучит. И так увлекся, что ничего вокруг себя не видит. И если бы не секретарь и его тревожный сигнал по интеркому, он мог бы долго не заметить гостей.

– Э-э, что такое? – встрепенулся он, глянув на них.

– Будущая звезда русского шансона Коля Арбалет, – представил своего напарника Костя.

– Сейчас петь буду, – закатывая рукава, сказал тот. – Гоп-стоп, мы подошли из-за угла...

Нравится?

– Э-э, не очень, – растерянно мотнул головой Валерьев.

– Что, и перо в бок получить не хочешь?

– Кто вы такие?

– От Карпа тебе привет!

Арбалет сел в кресло за приставным столом, выложил перед собой пистолет, расправил лист бумаги с заявлением.

– Давай в ментуру звони. Скажи, что мы ствол у тебя нашли. А я пока заявление составлю, – демонстративно зевнул он.

– Какое заявление?

– Ну, что ты козел по жизни, напишу. Что мечешься из стойла в стойло, как фряер дешевый... Тебя Карп под свою «крышу» взял, а ты платить ему не хочешь. Как это понимать?

– Э-э... Почему не хочу? Хочу. Но я за охрану ему плачу. А мне сейчас охрана не нужна. У меня есть люди, которые меня охраняют...

– Там один лежит на входе. Он, что ли, тебя охраняет? – презрительно скривился Арбалет.

Базальт молчал, но смотрел на продюсера леденящим взглядом убийцы. Неудивительно, что Валерьев дрожал как осиновый лист.

– Нет, это просто охранник. За мной серьезные люди...

– Давай звони этим серьезным, пусть подъезжают, говорить будем.

– Э-э, они из милиции...

Костя поморщился. Куда ни кинь, везде красные «крыши». Борзеют менты, все больше проблем от них.

– Давай звони своим ментам, пусть приезжают.

Похоже, Валерьев надеялся, что Арбалет дрогнет, но тот и бровью не повел. Хотя внутренне напрягся. Но заметил это только Базальт.

– Ну, вы же понимаете, что с вами будет, если они подъедут?

– Запомни, мужик: все люди в этой жизни смертны, бессмертных в природе не существует. И менты смертны, и тебя убить не проблема... И с ментами разберемся, и с тобой тоже. Зря ты Карпа кинул. Ох и зря...

Арбалет взял со стола пистолет, и Валерьев от страха сжался в дрожащий комок. Но Коля стрелять в него не стал. Он всего лишь тщательно протер ствол, затем поднялся, силой вложил

его в руку продюсера, после чего сунул в гарнитурный шкаф. То же самое со своим пистолетом проделал и Базальт.

Пока Коля звонил адвокату, Костя сходил в холл, привел в чувство охранника и велел ему убираться из офиса подобру-поздорову. Возражать тот не стал. И секретарю пришлось убираться восвояси. Еще Базальт осмотрел кабинет, нашел видеокамеру, через нее разыскал блок управления, вынул оттуда кассету и выключил запись. Надо было хорошенько подготовиться к встрече с ментами.

В бригаде Костя уже второй год. Он слышал о тех временах, когда коммерсантов можно было кошмарить без зазрения совести. Знал, что и сейчас их прессируют в таком же жестком режиме. Но раньше менты не воспринимались всерьез, а сейчас, если не учитывать поправку на них, можно и за решеткой оказаться.

– Зря ты все это затеял, мужик. Ох и зря, – в ожидании представителей новой «крыши» приговаривал Арбалет.

– Вы должны меня понимать, – с жалким видом проговорил Валерьев. – Я – культурный, интеллигентный человек, а вы, извините, представители маргинальной среды...

– Чего? – скривился Арбалет.

– Маргиналы мы, – ухмыльнулся Базальт. – Типа, отбросы общества...

– Ну, ты в натуре! – рассвирепел Коля.

– Нет, нет, я совсем не это хотел сказать! – в ужасе замахал руками продюсер.

– А что ты хотел сказать? Что мы люмпен-бандиты, да? Раньше люмпен-пролетариат был, а сейчас люмпен-бандиты... Тебе в падлу иметь с нами дело, ты это хотел сказать?

– Ну, зачем же так грубо?... Но, в общем, вы правы. Я не хочу иметь никаких дел с криминальной средой...

– Чистеньким хочешь быть? Незапятнанным?

– Человек должен к этому стремиться.

Валерьев смотрел на Базальта с робостью, но вместе с тем и с интересом. Как будто тот чем-то ему приглянулся... Может, он мазохист и питает чувства к своим палачам?

– Я знаю таких людей, – зло сказал Базальт. – Чистых. Культурных. Пламенных борцов за идею. Раньше они коммунистами были, комсомольцами, с высоких трибун оралы, людей к великим свершениям призывали. А потом в правительстве осели, к нефтяной трубе приросли. Нефть, она как бы грязная. Но они-то руками ее не щупали, они в цифрах ее видели. Сто тысяч долларов. Миллион. Сто миллионов. Чистенькие такие люди, культурные... А потом война началась в Чечне. Они, эти чистенькие и культурные, эту войну начали. Потому что нефть там была. И людей они туда послали. Нас туда погибать послали. Мы сотнями гибли, тысячами. Но эти люди видели только цифры. Ну, подумаешь, десять тысяч пацанов легло. Главное, что черная дыра в Чечне появилась; через эту дыру и нефть можно гнать, и алюминий, и все такое, на чем миллионы делаются...

Костя задрал майку, обнажил изрытый шрамами живот.

– Да, я грязный. Потому что по грязной земле ползал, кишки свои собирал. Потому что я простой солдат. Потому что моя кровь – это одна единичка в графе «груз триста». Я грязь, потому что кровь свою грязную за этих чистых и незапятнанных проливал... Я маргинал, я бандит, а они так и остались чистенькими. И продолжают делать деньги на чужой крови... Ненавижу! Всех таких чистеньких ненавижу! Я лучше с бандитами буду, чем с такими, как ты!..

– Но я войну в Чечне не начинал.

– Да, но и не воевал.

– Нет, конечно... Зачем это мне?

– А Костя воевал! – наехал на продюсера Арбалет. – Кровь за тебя, падлу, проливал! Ты здесь девочек топтал, а он кровь проливал... И сейчас ты, гнида, ментам его слить хочешь?

– Не хочу я никого сливать. Просто сказал, что у меня новая «крыша». Вы не хотите ее принять, вы с ней и разбирайтесь. А на меня зачем давить?

– Мы на тебя не давим. Мы тебя предупреждаем. Если менты хоть кого-то из нас закроют, отвечать за это будешь ты. Своей кровью!

– Я-то здесь при чем? – запаниковал Валерьев.

– А при том, что «крышу» новую поставил. Сука не захочет, кобель не вскочит. Ты захотел, и у ментов на тебя вскочило. Теперь и от нас прилетит. В тротиловом эквиваленте...

– Это не шутка, – в унисон с Арбалетом сказал Костя. – Все очень серьезно. Так что мой тебе совет, дядя: не пытайся нас кинуть. Появятся менты, и ты скажешь им, что ошибся с выбором. Откажешься от их услуг.

– Это твой единственный шанс, – кивнул Коля.

В дверь постучали. И Арбалет напрягся, и Базальт. Но в кабинет вошла девушка. Красивая, статная, с пышной светло-русой косой, которую она нарочно выставила напоказ, из-за спины перебросив на грудь. Легкий плащ нараспашку, под ним короткое платье, колготки с люрексом, сапоги на тонком каблучке. Грудь у нее пышная, ноги сильные, стройные. Вроде бы и худенькая она, но чувствовалась в ней деревенская стать. Красивая баба и здоровая. Такая семерых родит, и еще мало будет...

– Здравствуйте, Ираклий Борисович! – робко и заискивающе улыбнулась она.

Но Валерьев скривился и замахал на нее руками. Дескать, уходи, не место тебе здесь. Возможно, он беспокоился за нее. Но Косте показалось, что ему просто неприятно видеть ее. Возможно, эта красотка одна из соискательниц на звездные лавры.

Девушка в замешательстве подалась назад, но Арбалет не позволил ей уйти. Он поймал ее в приемной, вернул в кабинет.

– Да ты нас не бойся, киска, мы не кусаемся. Чего хотела?

– Э-э, к Ираклию Борисовичу я, – в замешательстве смотрела на него девушка.

– Тоже звездой хочешь стать?

– А почему тоже?

– Ну, Костя у нас уже, считай, звезда русского шансона.

Базальт усмехнулся. Он-то думал, что сам Коля в звезды метит. А оказывается, эта участь как бы уготована ему. Ну что ж, он не против подыграть ему.

– Ираклий Борисович раскручивать его будет. Хочешь, к нему на подпевку?

– К нему? – Девушка посмотрела на Костю с интересом и прицелом на будущее.

Ну да, сначала бэк-вокал, а потом и сама в звезды выбьется. Если, конечно, хорошей девочкой будет. И она уже сейчас хотела нравиться ему.

Впрочем, Базальт мог понравиться ей и без того. Внешность у него притягательная для женщин. Глаза такие – мужчин они пугают, а девушек притягивают. Снаружи симпатичный, изнутри прочный как базальт – что еще нужно женщинам? Ну и в постели у него все в порядке. Минный осколок живот вспорол, но все, что ниже, не повредил.

– А что, не пойдешь?

– Не слушай их, Варвара, – осмелел вдруг Валерьев. – Это бандиты. Они за деньгами пришли!

– Кто бандиты?! Мы – бандиты?! – взвыл Арбалет. – Ты хоть понял, что сказал, морда? Да я тебя сейчас на клочки по закоулочкам!..

– Не надо! – умоляюще глянул на него продюсер.

– Мы не бандиты! Мы к тебе с песнями пришли. И с плясками. Но плясать менты должны, ты меня понял?

– Да, да, конечно...

– Я пойду, ладно? – вопросительно и с кокетливой улыбкой посмотрела на Костю Варвара.

– Иди, – кивнул он. – Ты здесь не нужна.

– Совсем не нужна?

– А ты что, покататься с нами хочешь? – засмеялся Арбалет. – Если хочешь, подожди. На улице... Давай, давай, не до тебя!

Но, как оказалось, и он сам, и Базальт опасались ментов напрасно. В кабинет по звонку Валерьева пришли два оперативника из местного уголовного розыска. Серьезные на вид ребята, но им явно не хватало весу, чтобы тягаться с крутым бандитским авторитетом вроде Карпа. Причем Арбалету даже рот не пришлось открывать. Все взял на себя адвокат, подъехавший на место чуть раньше оперативников. Сначала он загрузил ментов статьями Уголовного кодекса, под которые попадала их незаконная деятельность, затем застрашал фамилиями генералов, с которыми он якобы был на короткой ноге. Возможно, сам по себе Станислав Аркадьевич не произвел бы на них впечатления, но за его спиной возвышались монументально грозные Базальт и Арбалет. Они могли все – и наехать, и убить. А оперативники не имели даже оснований, чтобы задержать их и отправить за решетку. Самих потом по судам затаскают, и они это понимали.

Как итог Валерьев отказался от их услуг. Сказал, что вообще никому платить не собирается. А когда незадачливые оперативники ушли, открыл сейф и передал Арбалету деньги, которые должен был, но не хотел платить Карпу. И еще его заставили написать заявление, что в кабинете у него случайно обнаружили два пистолета и он доверяет гражданину Азарьеву сдать их в милицию.

Но и эта мера предосторожности оказалась напрасной. На выходе из офиса Базальта и Арбалета ждала только Варвара.

– Вы сказали подождать, – она неловко переминалась с ноги на ногу.

– Покататься хочешь? – ухмыльнулся Арбалет. – А не боишься?

– Волков бояться – счастья не видать, – хмыкнул Базальт, распахивая заднюю дверцу.

Кажется, он понял, что нужно ей и от них вместе, и от него самого. Но сначала он осчастливит ее личным своим участием.

– Давай в машину.

Варвара не заставила себя упрашивать и смело нырнула в глубину салона, темными стеклами скрытого от посторонних взглядов. Базальт сел рядом с ней и с ходу запустил руку под юбку.

Она вздрогнула, инстинктивно свела ноги вместе.

– А как ты хотела? – усмехнулся он. – Мы же бандиты. Мы по-другому и не можем... Или ты не хотела?

Варвара думала недолго.

– Хотела, – кивнула она с таким видом, с каким утопленницы бросаются в омут с головой.

Глава 3

Артур манерно закатывал глаза.

– Катя, ты даже не представляешь, что здесь было! Ворвались эти ужасные бандиты! Избили Ролана! Меня чуть не избили! Ираклия Борисовича терроризировали!

Катя с удивлением смотрела на него. Она догадывалась, какая ориентация у Артура, но в глаза это обычно не бросалось. Он не был похож на классических геев с их жеманностями и манерностями. Разве что излишне много внимания уделял своей внешности. А сегодня его как прорвало. И руку на изломе держит, и в голосе какая-то женская визгливость. Видимо, бандиты произвели на него слишком сильное впечатление. И возможно, он даже сожалел о том, что эти страшные – ну очень страшные – люди не избили его. Во всяком случае, ей так показалось. Может, она и не искушена в извращениях современной жизни, но про мазохистов слышала.

Она только что вернулась с гастролей. Побывала дома, перевела дух под душем, привела себя в порядок и отправилась в офис к Валерьеву. Отдохнуть как следует не успела. Принять бы ванну, выпить стакан горячего чая и спать до позднего утра. Но предстояла встреча с композитором, у которого Валерьев купил новую песню для нее. Он должен был ознакомить ее со своей композицией, объяснить, под каким соусом он ее слышит. Отказаться от такой встречи Катя не могла.

Тяжело ей, но она не жалуется. Сама выбрала для себя такую жизнь. До звездного олимпа она еще не дотянулась, но ее уже знают, и кое-какие поклонники есть. И все благодаря Ираклию. Это он вывел ее на эстраду с песней, которая с ходу вошла в десятку всех российских хит-парадов.

Были еще четыре песни, но, увы, ни одна из них не стала хитом, и в ротацию на радио они не вошли. Зато записан первый альбом, и гастроли – уже обычное явление. До мегауспеха еще далеко, но если будет второй хит, то ее ждет слава. Поэтому и не терпелось ей узнать, что за песню приготовил ей Валерьев. Он считал, что дело стоящее, но Кате хотелось узнать все самой.

Ираклий не заставил себя долго ждать. Вышел из кабинета, распахнул объятия, как он обычно это делал. Но обнимать Катю не стал. Не в его это правилах. Для него главное – показать, насколько он ей рад. И он действительно счастлив ее видеть. Хорошее у него настроение. И глаза блестят. Похоже, навеселе он.

– Как настроение?

– Боевое.

– Вот и отлично!.. Тут один человек хочет с тобой познакомиться.

– Да, я в курсе.

– Вот и замечательно!

В кабинете у него на диване за журнальным столиком сидел холеный импозантный мужчина в дорогом темно-сером костюме. Черты лица неправильные, заостренные – не симпатичная у него внешность. Но в облике породистость, в осанке величественность, и взгляд у него как у человека, привыкшего повелевать. Не похож он был на композитора. И если было в его глазах вдохновение, то вовсе не творческое. Масленный у него взгляд, плотоядный. И Катя ему нравилась, и еще виски воспаляло кровь.

– Познакомься, Катенька, это Феликс Михайлович, большой твой поклонник, – со слащавой улыбкой представил его Валерьев.

Только тогда мужчина поднялся со своего места, неспешно, без суеты взял Катю за руку, приложился к ней губами. И еще показал на свободное место возле себя, но Катя выбрала кресло, в которое собирался погрузиться Ираклий.

– Мне нравится твое творчество, Катенька, – сказал Феликс Михайлович, подсаживаясь поближе к ней.

И руку на подлокотнике дивана он вытянул так, чтобы она могла видеть часы в золотой оправе. Возможно, это была очень дорогая швейцарская фирма, но Кате было все равно. Мужчины с большими деньгами не будоражили ее воображение.

– Спасибо.

– И сама ты мне нравишься. Как женщина.

– Это уже лишнее.

– Может быть. Но если мне нравится женщина, то я не могу обойтись без комплиментов в ее адрес.

Он взял ее за руку, длинными холодными пальцами провел по внешней стороне ладони. Но, кроме чувства брезгливости, это ничего в ней не вызвало.

– А можно без этого? – отдернула она руку.

Неприятный тип. Вроде бы и не отталкивающая у него внешность, но этот сальный взгляд, снисходительная манера поведения вызвали чувство отторжения.

– Что-то не так? – нахмурился Феликс Михайлович.

– Ираклий Борисович, я пришла на встречу с композитором.

– Его нет, – замялся Валерьев. – Был, но уже нет. Ты немного опоздала...

– А песня хорошая, – с видом знатока кивнул гость. – Очень хорошая. Может, я и не специалист, но как слушатель скажу, что это будущий хит. И ты могла бы его исполнять.

Он обращался к Кате, но та смотрела на своего продюсера.

– Я могу ее услышать?

– Можешь. Но с разрешения Феликса Михайловича, – с нарочитой удрученностью развел руками Валерьев.

– Что-то я вас не очень понимаю.

– А что здесь непонятного? – усмехнулся гость. – Все в этом мире продается и покупается. Я купил права на песню, и теперь, если ты хочешь ее исполнять, тебе придется договариваться со мной.

Феликс Михайлович ясно давал понять, в какую цену обойдется ей такой договор. Деньги ему не нужны, и счет она должна оплатить натурой. Все очень просто. По его разумению.

– И что я должна сделать? – дрогнувшим голосом спросила она.

– Для начала поужинать со мной. А потом ты будешь петь и танцевать. Но только для меня.

– Я все поняла.

– И что?

– Ничего не выйдет.

На Феликса Михайловича она глянула с отвращением, а на Ираклия – с упреком. Но Валерьев лишь сожалеюще развел руками. Дескать, есть правила, по которым вынуждены играть все – и она, и он сам.

– А может, все-таки подумаешь? – хищно улыбнулся Феликс Михайлович.

– Я уже подумала. И решила, что вы не джентльмен. Вы торгаш. Без чести и без совести. Для вас все продается и покупается. И меня вы хотите банально купить. Ни цветов, ни ухаживаний. Все просто: хочешь петь – танцуй. Но я не хочу с вами танцевать. Не хочу и не буду.

Ираклий недовольно покачал головой. И очень скоро Катя поняла почему.

– Я не просто торгаш, – высокомерно усмехнулся Феликс Михайлович. – Я олигарх. И для меня действительно все продается и покупается. Зачем тратить время на цветы, если я просто могу подарить тебе успех. Так даже честней, ты не находишь?

– Это не подарок, это плата за услуги. Но я не проститутка и не продаюсь. И успех мне ваш не нужен... Ираклий Борисович, я могу идти?

– Можешь, – ответил за Валерьева Феликс Михайлович. – Ты можешь идти в никуда. Никаких больше концертов, никаких больше гонораров. Если ты уйдешь, твой контракт с «Триkitом» будет аннулирован. Возможно, ты получишь неустойку. Но очень маленькую.

– Ираклий Борисович, что он такое говорит?

Но Валерьев не ответил. Феликс Михайлович вдруг собрался уходить, и он угодливо сопроводил его до самой машины.

Катя тоже хотела уйти, но ей нужны были объяснения. И только Валерьев мог их дать. Впрочем, он не заставил себя долго ждать.

– Вот такой он человек! – громогласно возвестил он, переступая через порог своего кабинета. – Большой человек – большие странности. Маленький человек – маленькие странности. А он большой человек... Очень большой!

– Но какое отношение он имеет к моим концертам?

– Боюсь, что самое прямое, – сочувственно развел руками Ираклий. – У меня возникли проблемы, и он помог мне их решить.

– Проблемы с деньгами?

– И с деньгами тоже... Поверь, если он скажет, что на тебе надо ставить крест, нам придется с тобой расстаться. Ты очень перспективная артистка, у тебя большое будущее, но, увы, Красницкий для меня важнее, чем ты. И если выбирать между ним и тобой... Но я не хочу выбирать. Поэтому нам лучше пойти на компромисс, – опустив глаза, сказал он.

– Но вы же видите, он хочет меня купить.

– Он же сказал тебе, что все в этом мире продается и покупается. И ты сама должна это понимать. Ты продавалась мне, я тебя раскручиваю, делаю на тебе деньги. Верней, пока что отбиваю свои вложения, но это уже детали...

– Я вам не продавалась. А если продавалась, то в переносном смысле. А ваш Красницкий хочет купить меня натурально.

– Да, он хочет купить тебя натурально. Такая уж у него натура. Жестокая и циничная. Таким его сделал мир, в котором он живет. Жестокий мир и циничный. Он богат, у него деньги, связи, он может позволить себе все. И это его развратило. Если ему понравилась женщина, он не станет ухаживать за ней, дарить цветы, искать ее расположения. Ему нравится ставить женщину в полную зависимость от себя. Ему не столько секс нужен, сколько унижение, которое испытывает женщина...

– Так он и меня унижить хочет!

– Да. Подчинить и унижить. Он хочет чувствовать себя полновластным над тобой хозяином. Ты должна будешь угождать ему во всем...

– Но ведь это извращение?

– Очень даже может быть. Но так уж вышло, что выбор Красницкого выпал на тебя. Понравилась ты ему, и он с тебя не слезет.

– Похоже, он возомнил себя богом.

– Да. И это, увы, не лечится... С этим можно только смириться.

– Пожалуйста, пусть делает что хочет. Его проблемы, пусть сам с ними и справляется. А я в этом свинстве участвовать не собираюсь, – мотнула головой Катя.

– Я тебя понимаю, – раздосадованно вздохнул Ираклий. – Но ты должна понять и другое, то, что на кон поставлено твое будущее.

– Он что, сможет исключить меня из университета?.. Или вы думаете, что для меня на эстраде свет клином сошелся? Нет, как-нибудь обойдусь. Прощайте, Ираклий Борисович.

– Эй, ты куда? – оторопело спросил Валерьев, глядя, как она берется за дверную ручку.

Он мог бы сказать, что все это было фарсом, глупой шуткой, но ведь это не так. Все серьезно. Все очень серьезно. Поэтому она уходит, и ему ее не остановить...

Катя много слышала о жестокости современного мира. Но, как это ни странно, ей не приходилось сталкиваться с мерзостями бытия. Школу закончила с одними пятерками в аттестате, в университет без всякого блата поступила, квартиру сняла – благо деньги были, подружка себе нашла. Случай свел ее с Валерьевым, и здесь все было хорошо. Ираклий даже не пытался затащить ее в постель, и никаких грязных условий не выдвигал. Альбом, концерты, кое-какая слава. И в этом ничего плохого. Попадались на ее пути люди, которым хотелось бы познакомиться с ней поближе, но Катя достаточно легко отбивалась от них...

Все было хорошо, пока в ее жизни не появился извращенец, возомнивший себя богом. Но как бы ни хорохорился Красницкий, он не всесильный. Кате приходилось пропускать занятия, но из университета она не отчислялась. Летняя сессия на носу, но она успеет подготовиться к ней, обязательно наверстает упущенное. Концертов больше не будет, и она может целиком посвятить себя учебе. А без сцены она как-нибудь проживет. Легко взойшла на эстраду, так же просто с нее и сойдет. Может, это и к лучшему...

Она не думала о высоких гонорарах, заключая договор с Валерьевым, поэтому денег от него почти не видела. Так, иногда подкинет тысячу-другую долларов на карманные расходы, и все. Дескать, проект еще не окупился, вот когда он выйдет на прибыль, тогда и выплаты будут совсем другие. Но деньги ее не очень волновали, и о роскошных апартаментах в Москве она не помышляла. Так и продолжала жить в своей съемной квартире вместе с Варварой.

И машины у нее не было. Деньги есть, можно было взять себе что-нибудь попроще, но как-то недосуг было пройти курс обучения и сдать на права.

К дому Катя подъехала на такси. В расстроенных чувствах. Поднялась на этаж, своим ключом открыла дверь. И в прихожей нос к носу столкнулась с незнакомым парнем. Он выходил из ванной, из одежды на нем было только полотенце, обмотанное вокруг бедер.

Похоже, Варвара кого-то привела в дом. Девушка она хоть и любвеобильная, но, в общем-то, разборчивая и старалась встречаться с мужчинами, у которых есть свое жилье. Старалась, но не всегда получалось. Видимо, не устояла она перед новым своим кавалером. Не было у него своего дома, но парень очень хорош собой. Может, не писанный красавец, но было в нем нечто такое, от чего захватывало дух. Эти черные волосы, эти светло-серые глаза с магнетическим обаянием. Веселый у него взгляд, живой, но сила в нем и уверенность. Цепь золотая на шее. Крепкие плечи, мускулистые руки, развитые грудные мышцы. На животе страшные шрамы, но, как ни странно, они его не уродовали, скорее наоборот. Брутальная у него внешность, Кате не очень нравился такой тип людей, но в этом парне особая притягательность. И сексуальность. Глядя на него, она вдруг забыла о своих проблемах. И на Варвару не разозлилась, хотя и должна была...

– Привет! – широко улыбнулся он.

Взгляд у него пронизательный, и, казалось, он заметил ее интерес к своей персоне. Интерес на грани шока.

– Э-э... Здравствуйте... Кто вы такой?

– Костя! – позвала из спальни Варвара.

Квартира двухкомнатная, и ее место – в гостиной. Спальню занимала Катя, значит, Костя побывал в ее постели. Удивительно, но это не расстраивало. Недовольство возникло по другому поводу. Возникло невольно и неожиданно. Катя вдруг поймала себя на мысли, что завидует Варваре.

– С кем ты там разговариваешь?

Но Костя лишь махнул рукой в ее сторону. Сейчас его интересовала только Катя. Он смотрел на нее бессовестно и с обожанием, и этот его взгляд вгонял ее в краску. Она чувствовала, как запылали щеки.

– А ты Катенок, да?

Ничуть не стесняясь, он подошел к ней, взял за руку, поднес ладонь к своим губам, но целовать не стал. Он касался ее носом, игриво, со снисходительной иронией глядя Кате в глаза. И так это ее вдруг возбудило, что по спине пробежала дрожь. И рука онемела от сильного волнения.

– Да пошел ты!

Она испугалась своих ощущений и ушла в гостиную, захлопнув за собой дверь.

Вскоре появилась Варвара. Улыбка извиняющаяся, а глаза, как обычно, наглые.

– Я думала, ты до вечера будешь.

Катя думала о своем поражении на эстрадном поприще. Вернее, заставляла себя об этом думать. Чтобы заглушить неистовые мысли о Косте, который до сих пор находился в одной с ней квартире. Возможно, сейчас он лежал в ее постели, и эта мысль возбуждала ее на уровне самых низменных желаний. Это и пугало ее, повергало в панику. Ей бы убежать куда-нибудь отсюда, но Костя своим отдаленным присутствием удерживал дома. Она уже сейчас хотела быть рядом с ним независимо от своего сознания.

– Мы вечером в ресторан собирались. Он заехал за мной по пути...

– Кто он такой?

– Бандит, – запросто призналась Варвара.

– Шутишь? – ужаснулась Катя.

– Да нет, не тот бандит, который грабит. Он «крыши» бизнесменам делает... Ну, как бы это тебе объяснить?

– Не надо мне ничего объяснять. Я знаю, что такое «крыши». В учебниках об этом ничего не пишут, но я знаю...

– И откуда такие познания? – переступая порог, насмешливо спросил Костя.

Он вышел из полусумрака прихожей. Возможно, какое-то время он стоял там, подслушивая разговор.

Катя вздрогнула, услышав его голос. И ноги вдруг стали неметь, когда он появился. Ни один мужчина не волновал ее так, как этот. И тем более не возбуждал... Но Катя точно знала, что сумеет справиться с собой.

– Не важно... И вообще!..

– Что вообще? – все с той же гипнотизирующей насмешкой спросил Костя.

Он уже оделся. Темно-серый кожаный пиджак, стильные джинсы. Батник у него с воротом, и золотая цепь на шее не видна. Он не выставлял ее напоказ, как Красницкий – свои швейцарские часы. И все-таки он злил ее не меньше, чем банкир-извращенец. И на себя она злилась не меньше. Потому и пошла на крайность.

– И вообще, мне нужно идти!

Не хотелось ей уходить, но Катя, подхватив свою сумочку, выскочила из квартиры. О чем очень скоро пожалела. Ведь Костя теперь будет считать ее истеричной дурой. А она не такая...

Глава 4

Костя зло смотрел на Варвару. Из-за нее он попал в дурацкое положение, и это из-за нее ушла Катя.

– Ты зачем сказала, что я бандит? – жестко спросил он.

Что есть, то есть, и прежде всего он сам в этом виноват. Но Варвара могла бы и промолчать.

– Извини, с языка сорвалось.

– Дура.

– Я знаю.

Костя пренебрежительно ухмыльнулся, глядя на нее. Это как же нужно себя не уважать, чтобы признать себя дурой. Но все не так просто, как могло показаться. Иногда в ней проскальзывает простота душевная, но все-таки она не полная дура. И с Костей сошлась из умысла.

Варвара видела, как они с Арбалетом разговаривали с Валерьевым, который был для нее чуть ли не богом. Для них он был грязью из-под ногтей, он жалко лебезил перед ними, это и понравилось Варваре. И она решила, что Костя поможет ей взять штурмом неприступную крепость. Она уже просила его, чтобы он повлиял на Валерьева. Он должен был наехать на продюсера, чтобы тот взял Варвару к себе в обойму, сделал из нее звезду.

А ведь он мог бы взять Валерьева в оборот. Это не просто, особенно после того, как продюсер заплатил Карпу по счетам, но если очень захотеть, то можно его прижать. Но Костя вовсе не хочет впрягаться в это дело. Не нужна ему Варвара, охладел он к ней. И сегодня переспал с ней только потому, что произошло это в постели, согретой теплом Катенка.

Да и Варвару он еще не бросил потому, что через нее можно было познакомиться с Катей. Сегодня она вернулась с гастролей, поэтому он здесь, у нее дома. Но все пошло кувырком. И все из-за Варвары. Не той закваски Катенок, чтобы любить бандита. Потому и ушла она...

А ведь чувствовал Костя ее интерес к себе. Видел, как заискрились ее глазки. И напрягалась она как самка, учуявшая своего самца. Такие вещи улавливаются на уровне инстинктов, поэтому беспокоиться особо не о чем. Просто придется приложить больше усилий, чтобы расположить к себе Катенка. Она ушла, но скоро вернется. И уж он постарается ее не упустить.

– Тогда держи.

Он достал из кармана три тысячерублевые купюры, протянул Варваре.

– Что это?

Он понял, о чем она подумала. Но утешать ее не стал, как раз напротив.

– Честно сегодня отработала.

– Я не проститутка, – возмущенно мотнула она головой.

Но денег из рук не выпустила. Еще бы, три тысячи рублей – это, считай, пятьсот баксов.

– А что, на этом хорошо можно зарабатывать. Хочешь, на панель устрою?

– Ты что, бросаешь меня?

– Зачем бросаю? Я бандит, ты проститутка – отличная пара.

– Ты не бандит... Это я так сказала...

– Но я бандит. А ты ведешь себя как проститутка.

Костя и хотел бы сказать, что зря она затеяла авантюру: не будет он связываться из-за нее с Валерьевым. Но Варвара еще нужна ему, поэтому рано рвать с ней.

– Это неправда, – не согласилась она.

– Ну, если неправда, то пойдешь сейчас в магазин. Шампанского возьмешь, коньячка хорошего, мяса, ну, всего такого прочего... Стейки с кровью можешь готовить?

– Нет. Но я попробую.

– Если не можешь, то лучше не берись. Мясо с кровью – это серьезно. Не так сделаешь, и хана... Просто мяса пожаришь, с картошкой. Сыр возьмешь, сервелат, фрукты. Ну, чтобы стол хороший был. Посидим, поговорим...

– А Катя? Она скоро вернется.

– Значит, с нами посидит.

– Я не думаю, что ей понравится...

– А это не твое дело – думать. Твое дело – исполнять. Давай в магазин дуй...

– А деньги?

Костя пренебрежительно хмыкнул. Похоже, Варвара всерьез поверила, что три косаря она получила за работу в постели...

Он снова полез в карман, достал оттуда еще три тысячные бумажки.

– Держи.

Пусть забирает первые три косаря. Она хотела, чтобы он расплатился за любовь наездом на Валерьева, а он отстегнет ей за это хрустящую монету. Теперь они в расчете.

Вернулась Варвара примерно через час. И не одна. Катя с ней. На Костю она глянула букой, но ничего не сказала. Не гонит его, уже хорошо.

А вскоре он понял, что ей пришлось по нраву его идея устроить домашнюю вечеринку. И мясо она помогла Варваре приготовить, и стол накрыть. Правда, на Костю старалась не смотреть. Он смущал ее, заставлял краснеть. И, кажется, он понимал, что с ней происходит.

И еще она переделалась к столу. Платье красивое надела, с янтарным перламутром. Длинное платье, с очень скромным декольте, но в нем она смотрелась куда более чувственно, чем Варвара в своей короткой юбке. Женственная она, нежная. Может, потому и сексуальность в ней высоковольтная, хотя и целомудренная.

Не удивится Костя, если она вдруг окажется девственницей... А в том, что дело дойдет до постели, он почему-то не сомневался. С женщинами у него все просто. И с Катей так будет. Главное – не робеть... Хотя, если честно, с ней ему как раз и не хватало решимости. Стеснительным его поведение не назовешь, но и настойчивости ему в общении не хватало. Может, потому, что это могло еще больше смутить ее.

Он сел в середину дивана, в расчете, что его подружка займет место с одной стороны от него, а Катя – с другой. Но Катенок втиснулась в узкое пространство между Варварой и подлокотником. Тогда Костя сходил на кухню, взял табурет и сел напротив девушек.

– Буду смотреть на вас и наслаждаться, – открыв бутылку шампанского, сказал он.

Катя опустила глаза и поджала губы. Но не вышло у нее изобразить неприятие: губы едва заметно поплыли в трепетной улыбке.

– На меня смотри, – чуть ли не потребовала Варвара.

– Шутишь? Тут передо мной настоящая звезда сидит, а я на тебя смотреть буду?.. Я, между прочим, деньги платил, чтобы на Катенка посмотреть. И чтобы послушать.

– Когда ты деньги платил?

– Когда на концерт к ней ходил. В Московском дворце молодежи.

– Вы были у меня на концерте? – польщенно улыбнулась девушка.

– Ну да.

– И как?

– Лучше не бывает!

– Подумаешь, я тоже так могла бы! – завистливо глянула на нее Варвара.

– Дерзай, – грустно усмехнулась Катя. – Тем более что мое место освободилось.

– Как это освободилось? – встрепенулась Варвара.

– Очень просто. Мы с Ираклием расстались.

– Ну да, последние песни у тебя не очень...

– При чем здесь это?

– Ну, и голос у тебя не самый лучший.

Варваре пришлось положить на язык дольку лимона, чтобы хоть как-то затушевать свое ликование.

– Ты за своим голосом следи, – сердито глянул на нее Базальт. – И за базаром тоже...

– Голос тут ни при чем, – расстроено покачала головой Катя. – И песни тоже... Здесь совсем другое.

– Что другое?

– Он к тебе приставал? – махнув рукой на Варвару, спросил Костя.

– Кто, Ираклий? – Но та не унималась. – Ираклий приставал к Кате? Ну, ты меня насмешил! Он же голубой! Его женщины не интересуют. Только Лариска как исключение. Потому что Лариска на мужика похожа... А я еще думаю, почему он на нее так запал! А он голубой, оказывается. Потому и женится на Лариске...

– Заткнись! – не выдержал Базальт.

Ему без разницы, голубой Валерьев или розовый. Может, и правда то, о чем говорит Варвара. Скорее всего, правда, если вспомнить, какими глазами смотрел на него Ираклий: как баба на мужика глядел. Плевать ему на Валерьева, но за Катю он должен был заступиться. Это на нее наезжала Варвара.

– Нет, не Ираклий приставал... Другой...

– Кто? – Костя пытливо смотрел на Катю, ему нужно было знать, какая тварь посмела обидеть ее.

– Не важно, – отмахнулась она.

– Тебе выпить надо, – посоветовал он. – Выпить, успокоиться...

– Да, надо, – согласилась она. – Только немного.

Шампанское – легкий напиток, но после третьего бокала Катя заметно опьянела. Взгляд осоловел, язык потяжелел.

– Ты не расстраивайся. И без сцены можно жить, – сказал Костя. – Вот я живу, и ничего... Я тебе даже больше скажу. Звезда – это своего рода клоун, ну, чтобы публику развлекать. Лично я клоуном быть не хочу...

– А я хочу! – отозвалась Варвара. – Клоуном хочу быть! Публику развлекать!

– Да? А чего ты тогда здесь сидишь? – ухмыльнулся Костя. – Давай дуй к своему Валерьеву. Вдруг он тебя на вакансию возьмет.

– Поздно уже, – замялась Варвара.

– Ничего, домой к нему съездишь. Скажешь, что по Лариске своей соскучилась...

– Ну да, ну да... – крепко и суетливо задумалась она.

– Давай езжай. Вдруг что-то выгорит. Может, завтра уже поздно будет.

– А ты меня не подвезешь?

– Ты же видишь, я под градусом. Нельзя под градусом за рулем. Я, может, и бандит, но я законопослушный бандит.

– Ну, мы бы могли такси взять...

– А я мог бы наехать на Валерьева.

Варвара посмотрела на него с надеждой, затаив дыхание. Она очень хотела, чтобы Костя посодействовал ей. Но куда он с ней не поедет. Катя молчит в подол. Она сама с замиранием думает о том, что сможет остаться с ним наедине. Может, она и боится этого, но в душе только того и ждет.

– И наеду... – пообещал он. – Только не сейчас. Ты пока сама, без меня. Так, мол, и так, брала уроки по вокалу, в микрофон дула, все такое... А вдруг загрузишь? Если нет, тогда ко мне...

– Э-э... Ладно. Пусть пока без тебя... Но я бы хотела, чтобы ты со мной поехал.

– Нет, мне и здесь хорошо.

– Катя, может, ты со мной?

Не хотела Варвара оставлять их наедине, но и шанс упустить боялась.

– Ты хоть думай, что несешь! – Костя кулаком постучал по своему лбу. – У нее конфликт с Валерьевым, а ты ее с собой зовешь. Ты головой думать не пробовала?.. Давай, давай. Быстрее уйдешь, быстрее вернешься.

Все шло к тому, чтобы Костя остался наедине с Катей. Даже она сама не возражала против такой перспективы. Но Варвара так и не смогла убраться из квартиры.

Только она переступила порог, как ее втолкнули обратно в дом. И сделали это два непонятных типа в строгих черных костюмах и солнцезащитных очках.

Темно уже за окном, а они в очках. Да и манера их поведения вызывала не меньшее подозрение. Костя очень пожалел, что ствол находится в спальне, под тумбочкой. И не добраться до него: мордovorоты уже в гостиной.

– Ты Катя? – спросил один, с белыми пигментными пятнами на лице.

Крепкий мужик, чувствуется в нем железобетонная стать. Да и второй такой же мощный. На Костю никто из них даже не смотрит. Для них он никто и зовут его никак. И никто даже не помышляет, что он может стать непреодолимым для них препятствием.

– Я Катя, – испуганно кивнула девушка. – А кто вы такие?

– Нормально все. Не бойся.

– Я спрашиваю, кто вы такие?

– Это без разницы.

– Кто вас послал?

– Поехали, узнаешь.

– Но я не хочу никуда ехать...

– Не хочешь, а надо, – сожалеюще развел руками пигментный.

Его напарник достал из кармана шприц-тюбик, снял с иголки колпачок. Это уже нечто. Хоть и вечер на дворе, но иначе как похищением среди бела дня этот номер не назовешь. Сейчас усыпят Катю и увезут. Если соседи увидят, как ее уносят, не беда: всегда можно сказать, что девчонка напилась в стельку. Так иногда бывает – как на Руси, так и во всем мире.

Костя нарочно не подавал признаков жизни, чтобы не напрягать незваных гостей. Поэтому громил и не принял его в расчет, схватив Катю за руку. Осталось только воткнуть иголку ей в плечо, но шприц-тюбик неожиданно улетел куда-то под потолок. Одним ударом Костя обезоружил противника, а другим врезал ему в живот, под правое нижнее ребро.

Мужик успел подготовиться к удару, инстинктивно напряг пресс, и в первый миг Базальту показалось, что его кулак врезался в бетонную стену. И тут же он испытал знакомое чувство, которое возникает, когда кулак ломает крепкий с виду кирпич. А также печень, которую смяла остронаправленная энергия удара.

Пигментный вмиг сообразил, что происходит. У него не было времени на удивление и тем более на разговоры. Его напарник еще не упал, а он уже ринулся на Костю. Но и тот уже наготове. Блок, еще блок, уход в сторону, ответный удар, снова блок... Увы, но противник в стойке, и боец он отличный, потому трудно будет нанести убойный удар. Да и самому бы не пропустить...

Костя и сам большой спец по рукопашному бою. Потому Черкан и взял его к себе в бригаду без всяких разговоров.

Он выдержал мощный удар в голову, два – в живот, сам ответил ногой в пах и кулаком в нос. Очень скоро пигментный понял, что голыми руками его не взять. И очень резко отступил назад, на ходу выдергивая из кобуры пистолет. Ему бы подождать, когда его напарник выйдет из нокаута, насыдет на Костю, но его манит быстрая победа, и волына для этого – самое то. Только и Базальт не на Лоховской улице прописан. Он понял маневр, в момент нагнал противника и, пользуясь заминкой, ударил его ногой по бедру ближе к коленке.

Этот удар и решил исход поединка. Пигментный просел в колене, потерял равновесие и не смог заблокировать следующий удар. Сначала ему прилетело в подбородок, а потом в кадык. Тут и его напарник справился со своей печеночной недостаточностью. Но еще сказывались последствия пропущенного удара, не успел он поймать ногу. Базальт пробил его в солнечное сплетение, смял кулаком шейные позвонки. Уложил противника на живот, снял с него поясной ремень, стянул руки за спиной, как учили в армии. То же самое проделал и с пигментным.

Только тогда он глянул на Катю. От страха она забилась в дальний угол и оттуда смотрела на него большими глазами, испугана и восхищена одновременно. А то, что стол перевернут, стекла в шкафу разбиты, ее не волнует: не до того. И Варвара в дверях стоит, и эта в шоке.

Он осмотрел трофейный пистолет. Служебный «Иж-70», копия «ПМ». Такие стволы, как правило, законные, их можно носить без опасения влететь под двести двадцать вторую статью Уголовного кодекса. Черкан обещал бойцам такие волюны, но пока что приходится таскать на себе левое «железо».

– На кого работаешь, урод? – зло спросил Базальт.

Стрижка у пигментного короткая, нарочно для того, чтобы нельзя было оттащить его за волосы. Но Костя схватил его за уши. Оттянул голову на себя и с силой вбил ее в пол. Только это не подействовало. Мужик молчал как рыба во льду. Базальт ударил его еще несколько раз, но пленник так и не заговорил.

– На Красницкого он работает. Это Красницкий его прислал, – сказала за него Катя.

– Кто такой Красницкий?

– Олигарх. Он хотел, чтобы я с ним... Я отказала... Вот он людей и прислал...

– Ну, тогда все ясно. Тогда этих кончаем и уходим, – передернув затвор, решил Костя.

Не собирался он никого убивать, но голос его прозвучал очень убедительно, и пигментный дрогнул.

– Ты даже не представляешь, с кем связался, – прогудел он. – Тебя из-за нас приговорят. Из-под земли достанут. Шкуру живьем...

– Кто?

– Не важно.

– Да. Ну, тогда лови пулю.

– Красницкий – очень большой человек. Он тебя из-под земли...

– Я знаю, что он большой человек, – соврал Базальт. – И могу спросить за него. Ты вот его именем прикрылся, и я с тебя за это спрошу...

Пигментный слышал, что сказала Катя, и мог подсуетиться с именем Красницкого. Костя тоже умел хитрить, но при этом не хотел, чтобы его самого вводили в заблуждение.

– Я не прикрывался...

– Как зовут Красницкого?

– Феликс... Феликс Михайлович.

Базальт вопросительно посмотрел на Катю, и та подтверждающе кивнула. Все сходилось, значит, она не ошиблась в своих подозрениях.

Кто такой Красницкий, Костя не знал. Но обязательно узнает. И спросит с него за Катю. Жестоко спросит. И не важно, большой он человек или мелочь пузатая.

Глава 5

Голос у Катенка нежный, звонкий, и петь она умеет. Сама такая хрупкая, нежная. Косички с бантиками, платье треугольником, белые гольфы, лакированные туфли на низком каблуке. Режиссер видеоклипа удачно создал образ школьницы. Только не все реагировали на него здраво.

– Некислая телочка! Я бы ей втащил по самое это...

Что взять с зэка, у которого с голодухи одни бабы на уме? Ни культуры, ни воспитания, в голове сплошная пошлятина. А тут телевизор, и юная певица на экране, вызывающая нездоровые желания.

Телевизор показывал в холле лагерного лазарета. Спартак шел мимо, но его привлек голос Катенка, и он остановился. А тут эта оголтелая реплика... Какой-то зэк с лошадиным рылом посмел опохабить Катю, да еще во всеуслышание!

Спартак помнил Катю младенцем, на его глазах она делала первые шаги. Он уже служил в армии, когда она пошла в первый класс, но мама присылала фотографии, он видел ее маленькой девочкой в школьном платье с белым фартуком, с огромными бантами. На губах счастливая улыбка, в руке букет цветов... И сейчас какая-то мразь глумится над этим невинным ребенком!

Зэк с лошадиным рылом сидел на стуле, вытянув ноги. Руки он только что держал скрещенными на груди, а сейчас жестами показывал, как он насаживает на себя Катю. Спартак схватил его за грудки, оторвал от стула и ударил головой.

– Я тебе сейчас так втащу, гнида!

Он выждал немного, когда зэк оклемается, поднял его с пола и снова врезал ему от всей души. За Катю он убьет любого. И пусть эта мразь радуется, если выживет...

Спартак так зол был на этого выродка, что действительно мог забить его до смерти. Но вмешался Барбос – он оттащил его от жертвы, с риском для себя попытался успокоить. И ему могло бы достаться, но Спартак уже сорвал зло, и гнев стихал.

Он вернулся в свою палату, лег на койку, включил телевизор, но на музыкальном канале уже крутился другой видеоклип.

Он мог бы убить похабника, и ему ничего бы за это не было. Никто бы не посмел свидетельствовать против него. Он в законе, смотрит за всей зоной, у него жирный общак, с которого кормятся «хозяин» и «кум». Он в лагере первый человек, от него здесь все зависит.

Тяжело ему досталась эта власть, через ад пришлось пройти, чтобы взять ее в свои руки. И мусора до полусмерти избивали, а в пресс-хате пытались опустить, в штрафном изоляторе голодом и холодом пытали. Но ничего, он выдержал все – и перекрасил зону. Была она козливой, а стала воровской. Но вскоре зона останется для Спартака в прошлом. Срок его выходит, а свобода манит. Совсем чуть-чуть осталось.

– Ты ее знаешь? – спросил Барбос.

– Кого?

– Ну, певицу эту...

– Знаю. Сестра моя. Родная.

– А-а!.. Тогда понятно... Не надо было тебя останавливать.

– Проехали.

– Круто у тебя сестра зажигает! И голос классный... Сама раскрутилась или как?

– Сама.

Сестра у него – серьезный человек. Брата не чуралась, но в Москву к нему приезжала редко. Не нравилось ей, что Спартак с головой в криминале. Не осуждала, но образ его жизни не принимала. Она даже не сказала, где собирается учиться после школы. Сама приехала в

Москву, сдала экзамены, поступила в университет. К Спартаку за помощью даже не обращалась. Он хоть и в зоне, но у него друзья в Москве, и бизнес там поставлен конкретно. Мартын сейчас не последний в столице человек, и Катя для него как родная. Но и его она не беспокоит.

И на сцену она сама по себе выбилась, Спартак ни копейки не вложил в ее раскрутку. И то, что Катя вышла на большую сцену, стало для него полной неожиданностью. Он отправил к ней Мартына, тот предложил ей двух телохранителей, но Катя наотрез отказалась. Дескать, у нее все нормально и ей ничего не угрожает. А телохранители, сказала она, только неприятности притягивают.

Но телефон Мартына она знает, и если вдруг что, он обязательно придет ей на помощь. Хотя, конечно, лучше бы таких ситуаций не возникало. Все-таки сейчас в Москве нет уже того беспредела, как прежде. Но уродов хватает...

* * *

Красницкий, его люди, бойня в квартире... Все это страшно. Но как-то несущественно. Во всяком случае, по сравнению с тем, что происходило сейчас в квартире у Кости, с ним самим. Это не человек, это стихийное бедствие, бурная река без берегов, и у Кати просто не было сил плыть против его течения. Она позволила этому смерчу оторвать себя от берега, втянуть в свою воронку, и сейчас у нее кругом шла голова от сильных и острых ощущений.

Она с ним в гостиной. Диван здесь, телевизор, на экране что-то происходит, но она ничего не видит, все, что вокруг, проходит мимо. Сейчас для нее существует только Костя. Он в центре мироздания, и она не в состоянии вырваться из поля его притяжения. Впрочем, она уже и не пытается выскользнуть из его объятий.

Он обнял ее за плечи, прижал боком к себе, что-то тихонько говорит на ухо. Она околдована его близостью, зачарована голосом, и он как тот удав запросто может ее проглотить. Но Костя не торопится.

– Ты, главное, не бойся. Ты под моей защитой. А то, что петь не будешь, так это пустяки. Мне звезда не нужна, мне ты нужна... Я, когда тебя увидел, сразу понял, что ты моя женщина. Только не думал, что мы можем быть вместе... А мы можем?

Катя замороженно кивнула. Да, они должны быть вместе... Он – бандит, преступник, возможно, у него кровь на руках. Больше всего на свете она боялась связаться с таким человеком, как он. И сейчас боится. Но связалась с ним. И уже не может без него. Она потеряла голову, и ей все равно, что будет дальше. Лишь бы он ее не бросал.

– Я тебе нравлюсь?

– Очень.

– Ты хочешь у меня остаться?

– Да.

– И будешь жить со мной?

– Да.

– У тебя сегодня был трудный день.

– Не то слово, – кивнула она.

– Поздно уже. Тебе надо отдохнуть.

Он должен был губами коснуться мочки ее уха, рукой приласкать грудь, потом запустить пальцы под подол платья... Это возмутительно и недопустимо. Но сопротивляться она не станет. Потому что ей уже восемнадцать и давно уже пора стать женщиной.

Она сейчас могла позволить ему все. Но Костя отправился в спальню, а через какое-то время позвал ее к себе. Постель готова, но только для нее. Сам он собирался спать в гостиной.

– Если хочешь, можешь принять душ, – предложил он.

– Да, конечно...

Он принес ей банное полотенце, и она отправилась в ванную.

Костя бандит, и это в его правилах вести себя с женщинами бесцеремонно. Он смелый, бесстыжий... Но почему он не заходит в ванную вслед за ней, почему не раздевается, не становится с ней под тугие водяные струи? Она возмутится, но прогонять его не станет...

Но Костя не зашел к ней. Не было его и в спальне. А на ней только полотенце, он мог бы с легкостью сорвать его, обнажить доступную плоть... Но нет его. Катя закрыла за собой дверь. И спать легла в одиночестве.

Она забрала с собой вещи, два чемодана и сумку. И одежда у нее есть, и белье, а она легла спать в чем мать родила. А из ванной только в одной тунике из полотенца вышла... Что это с ней? И почему так возбуждают ее порочные желания?

Катя слышала, как Костя прошел по коридору. То ли на кухню направлялся, то ли в ванную. Не надо было дверь в спальню закрывать, так бы она знала, где он. И еще Костя мог бы заглянуть к ней на обратном пути...

Надо было бы открыть дверь, лечь в постель. Но Катя справилась с искушением. Может, потому Костя и не зашел к ней.

И хорошо, что не зашел. Она девушка порядочная, и ей никак нельзя впускать к себе мужчину. Был бы Костя ей мужем, а так нет. И совсем не важно, что рассудок держится на расшатанных шурупах...

Но чем дальше в ночь, тем сильнее разбалтывался рассудок.

Катя представила себя в объятиях Красницкого, и ей стало тошно. Сейчас она в безопасности, но мало ли что может случиться завтра? Вдруг люди этого проходимца заявятся сюда, убьют Костю, а ее заберут с собой?.. Она пропадет, если окажется в лапах у Красницкого. Уж лучше пропасть с Костей, в его объятиях. Уж лучше пусть он станет ее первым мужчиной, чем какая-то мерзость...

Катя читала дамские романы, но не верила, что порядочная женщина от любви может потерять голову и пуститься во все тяжкие. Бешеная страсть к мужчине, полное безрассудство, унижения во имя любви – все это она считала выдумками писателей. Но вдруг оказалось, что это правда. И подумала она об этом, когда входила в гостиную. Она сама, по своей воле шла Косте в руки. Жалела об этом, проклинала себя, но шла.

– Что-то не так? – спросил он.

– Мне страшно... Можно с тобой побуду?

– Ну, если не боишься...

Она скинула с себя полотенце, гольшом юркнула к нему под одеяло. И в страшном сне такое привидеться не могло, а тут вдруг наяву... Или это все-таки сон?

– Не боишься, – безобидно засмеялся он. – А говоришь, что страшно.

– Страшно. С тобой страшно. А без тебя еще страшней...

Она лежала на самом краю постели, не жалась к нему. Но это ничуть не оправдывало ее. Она вела себя как падшая женщина... Ну и пусть!

– Иди ко мне.

Он взял ее за руку, и она покорно придвинулась к нему. И содрогнулась от сильного волнения, когда жесткими курчавыми волосами коснулась его бедра. Он тоже был без ничего, и она ощутила жгучий стыд, который вдруг стал тяжелым, как свинец, расплавленным металлом растекаясь по низу живота и взорвался, разрушая сознание...

Только тогда смогла взять себя в руки. Только тогда она поняла, что способна на побег от самой себя. Но ей не удалось убежать от Кости. Он удержал ее, с силой привлек к себе.

– Не бойся, я тебя не трону. Будем просто лежать...

Он не стал прижиматься к ней, но руку с талии не убрал. И затих, не подавая признаков жизни. Это успокоило ее. Ничего страшного не происходит. А то, что Костя рядом, так это для того, чтобы защитить ее в случае опасности.

* * *

Костя понял, что произошло с Катей в первую ночь. Перевозбудилась она, и от переизбытка женской энергии разрядилась как накопительный конденсатор. И даже попыталась от него удрать... И удрала. Утром, когда он спал. Заперлась в своей комнате в ужасе от своих «подвигов».

Она сама пришла к нему ночью. Но Базальт был далек от мысли считать ее шлюхой. Он видел, что девушка влюбилась в него без памяти. Может, потому и не форсировал события, чтобы она не разочаровалась в нем. И еще, непонятно почему, хотелось продлить удовольствие ухаживаний за ней.

Утром, ближе к обеду он ушел – вместе с Арбалетом и еще двумя бойцами отправился на стрелку. Ничего серьезного, какие-то залетные оспаривали право на подконтрольный ресторан; пришлось объяснить им, как глубоко они впали в заблуждение. Обошлось без драки, без стрельбы. А к вечеру Костя освободился, вернулся домой с цветами и шампанским. И еще золотое колечко Кате подарил, с маленьким бриллиантом: на большой денег не хватило.

Он боялся, что Катя уйдет от него. Хоть и попала она в зависимость от него, но характер у нее все-таки есть. Но нет, она никуда не делась. И в квартире убирать не побрезговала, и ужин приготовила. Он, конечно, в полном восторге. Еще бы, звезда у него в доме хозяйничает! И, как мужа родного, его на ужин ждет.

И цветам она обрадовалась как маленькая, зарылась носом в ароматные бутоны. И кольцо вызвало у нее сдержанное ликование.

– Надеюсь, это не предложение руки и сердца? – спросила Катя.

Сегодня она не была так зажата и закрепошена, как вчера. Хотя неловкость еще оставалась. Но ничего, они вместе справятся с ней.

– А если да? – Он с улыбкой и пристально посмотрел на нее.

– И насколько это серьезно? – зарделась она.

– Сам не знаю. Возможно, это так серьезно, что я даже не понимаю.

– А что ты понимаешь?

– То, что ты мне очень-очень нравишься. И я бы хотел, чтобы ты осталась со мной. А там, наверное, и больше... – замялся он.

Возможно, это любовь. Но он пока не хотел думать об этом. Он хоть и бандит, но ничто человеческое ему не чуждо. А любовь – это слишком серьезно, чтобы опошлять ее красивыми словами.

– А я хочу остаться с тобой? – то ли у него, то ли у самой себя спросила Катя.

– Это тебе решать.

– Ты бандит...

– И что?

– Я даже не знаю, сколько крови у тебя на руках...

– Много крови. Очень много. Я в разведывательно-диверсионной группе служил. В Чечне. Там в основном спецы служили – или офицеры, или по контракту, – но у меня подготовка была, меня из срочников отобрали. Мы там такие дела проворачивали, что «чехи» плачут... Много у меня крови на руках, много.

– Я не про войну спрашиваю.

– Ну, приходилось стрелять. На разборках. Но там все по-честному – или ты, или тебя. А так, чтобы заказными заниматься... Я не киллер и никогда им не был.

– Зачем тебе все это нужно?

– Не знаю. Может, мне адреналину не хватает?

– В Чечню возвращайся.

- Там сейчас войны нет. Ну, как бы нет... И не заработаешь там столько, как здесь...
- И что, много зарабатываешь?
- Когда как.

Сегодня он тонну «бакинских» получил – премия за удачный выезд на разборку. А за Валерьева Черкан ему аж две зеленые штуки отвалил. Где на гражданке такие деньги поднимешь?

- Нельзя так жить, – покачала головой Катя.
- Но ведь живут.
- Живут... И не только ты один так живешь.
- Что ты предлагаешь?
- Ничего.

– И не надо ничего предлагать. И менять ничего не надо. Да, я бандит. Но для нас это хорошо. Объясняю почему. На тебя наехал Красницкий, но ты со мной, и тебе ничего не грозит. А почему? Потому что я такой крутой? Нет. Просто за мной бригада. За мной авторитетные люди. У Красницкого банк, у него нефть, у него бешеные деньги. И служба безопасности у него крутая. Менты за ним. И в правительстве связи. Причем на самом высоком уровне. – Костя знал, что говорил. Он уже навел справки о Красницком, хотя, конечно, полной информации об этом типе у него не было и быть не могло. – Он может сделать тебя своей наложницей, и ему ничего за это не будет. Верней, менты ему ничего за это не сделают. Закон его не пугает. Но с братвой, поверь, он связываться не станет. У братвы свои законы, и приговоры очень суровые. И точку в приговоре ставит пуля... Поверь, пока я в теме, Красницкий не захочет связываться со мной...

– Хотелось бы в это верить.

– Я уже говорил с пацанами, на днях мы подь-едем к этому Красницкому, поговорим с ним. И он от тебя отстанет...

– Спасибо. А то мне нужно в университет, а я боюсь туда ходить...

– Нормально все будет... А там, когда все уляжется, я выйду из дела. Ну, не всю же жизнь бандитствовать, – улыбнулся Костя. – Я тут капиталец кое-какой сколотил, вон, магазин автозапчастей открою, торговать буду. Или автосервис организую. Короче, видно будет...

– Это хорошо. Главное – не опоздать.

– В каком смысле?

– В смысле, как бы в тюрьме не оказаться...

– Ну, от тюрьмы и сумы не зарекайся... А ты меня ждать будешь?

– Буду.

Она опустила голову, кивая, но поднимать ее не стала.

– Ты даже не представляешь, как мне повезло.

Он мягко обнял ее за плечи, провел рукой по спине и ощутил под пальцами мелкую дрожь. Катя подняла голову и затылком коснулась его плеча. Она не поворачивалась к нему лицом, но ему было видно, как жмурится она от стыда и удовольствия. Платье на ней мягкое, приятное на ощупь. Но ему хотелось гладить ее обнаженное тело. А «молния» на спине, и расстегивалась она легко. Катя покорно вытянула вперед руки, чтобы скинуть лиф платья. Бюстгальтера на ней не было, грудь обнажена. Не самая большая у нее грудь, но упругая, бархатистая на ощупь, и сосок мгновенно затвердел под пальцами. Катя жарко задышала, выгнула спину. Девушка созрела...

Он поднял ее на руки, перенес в спальню. Платье упало под ноги где-то на пути. Ничего, он его подберет. Потом, когда-нибудь...

Они вместе взлетели, кувырнулись в облаках седьмого неба и опустились вниз. Только ее падение оказалось болезненным. И еще он увидел кровь.

– Это у тебя в первый раз? – спросил он.

Казалось бы, какая разница, первый ты мужчина у женщины или нет? Казалось бы... А на самом деле разница есть. И сколько ни убеждай себя, что это не так, все равно гордость берет. И на девушку смотришь совсем другими глазами, если у нее до тебя никого не было.

– Да, – зарываясь лицом в подушку, сказала она.

И покрывало за собой потянула, чтобы укрыться.

– И как?

– Ну-у...

– Значит, не очень... Ну, по первому разу это бывает.

– Молчи... Просто молчи...

Но молчать он не мог. Вдруг позвонил телефон, и ему пришлось ответить.

– Да.

– Тревога, братан, – услышал он голос Арбалета. – Давай подрывайся, я через пять минут у тебя буду. Там пацанов наших мочат, надо выручать!

– Понял.

Костя соскочил с постели, стал одеваться.

– Ты куда? – всполошилась Катя.

– Да проблема тут одна. Сейчас решим, и вернусь. Ты меня не жди, спать ложись, может, я не скоро буду...

– Не уходи.

– Что такое?

– Мне страшно.

– А ты не бойся.

– За тебя страшно...

Катя умоляюще смотрела на него. Она не хотела, чтобы он уходил. И у него не было никакого желания расставаться с ней хотя бы на время. Но дело требует жертв. Хорошо, если придется пожертвовать только временем...

Глава 6

Арбалет озадаченно чесал затылок.

– Ты в этом уверен, что ничего не было? – глядя на вышибалу, спросил он.

– Да нет, спокойно все было. Никто не бузил, никаких проблем, – пробасил детина.

– Ресторан «Баллада», да? На Маршала Жукова? Мы ничего не напутали?

– Да нет, ничего. «Баллада», Маршала Жукова, все правильно. Только никаких разборок здесь не было. С вечера все спокойно...

– Ну ладно, разберемся.

Арбалет повернул к машине, и Базальт последовал за ним.

– Ничего не понимаю. Шум есть, а драки нет...

Они мчались через всю Москву, чтобы помочь трем своим пацанам, что сцепились в ресторане с какими-то отморозками. А как оказалось, не было ничего.

Но лучше ложная тревога, чем реальная пуля в лоб... Теперь, когда в его жизни появилась Катя, Базальт стал вдруг бояться смерти. Раньше он ее побаивался, а сейчас мысль о ней заставляла неметь кончики пальцев.

В машине Арбалет позвонил Черкану:

– Не было в «Балладе» наших. Не было ничего... Карп?.. Ну, позвони...

Он сунул трубку в карман и озадаченно глянул на Костю:

– Это Карп Черкану звонил, от него информация прошла. Черкан ему сейчас звякнет...

Но это уже не наши проблемы.

– Мы свою проблему искали, искали, но так и не нашли. Хорошо это или нет, но домой уже пора, – зевнул Базальт, глянув на часы.

Поздно уже, второй час ночи. И еще домой минут двадцать добираться. Если проблем вдруг не возникнет. Стволы у них под сиденьями, вдруг у ментов операция какая-нибудь – шмон устроят, вольны найдут. Отправят потом на пару лет за решетку. И не факт, что Катя его дождется. Она не из тех, кто предает, но все может быть...

Но все обошлось, и уже через четверть часа он был дома. Арбалет поехал к себе, а Базальт поднялся на этаж, ключом открыл дверь.

Только нет никого в квартире. Дорожка на полу в прихожей скомкана, столик журнальный в гостиной перевернут, на полу – бутылка шампанского, мокрое пятно под ней. И Кати нигде нет. Может, сама ушла? Но зачем она беспорядок в квартире оставила? В знак протеста? Вряд ли...

У нее был сотовый телефон, но он остался в квартире. И сумочка лежит на трюмо. Чемоданы ее в шкафу, одежда на плечиках развешана... Может, она вышла на время и сейчас вернется? Но куда ей нужно было уходить в час ночи? А если проблемы вдруг какие-то возникли, она бы позвонила... Нет, здесь что-то не то...

В дверь вдруг постучали. Ну да, Катя это, больше некому. Но все-таки Костя должен был глянуть в «глазок», посмотреть, кто там. Только дверь открылась сама по себе, потому что не закрыл он ее на замок, когда зашел в дом. Ковровая дорожка его смутила, перевернутый столик, потому и не закрыл.

В квартиру вломился крепкий парень в строгом костюме. Но Костя остановил его, выдернув из-за пояса ствол:

– Стой! Башку прострелю!

– Что там такое? – донеслось с лестничной площадки.

– Тут пацан какой-то с вольной, – растерянно отозвался парень.

Тут же послышался характерный лязг железа. Как минимум двое передернули затворы своих пистолетов. Круто.

- Спроси, Катя у него?
- Катя у тебя?
- А вы кто такие?
- Мы от ее брата...
- А кто у нее брат?
- Никон. Спартак Никонов. Он в законе.

Базальт не знал, кто такой Спартак Никонов, но ему хватило и того, что этот человек – вор в законе. Сам по себе высокий криминальный статус мог вызвать только чувство уважения, но Никон еще и брат Кати. А у нее, кстати говоря, фамилия Никонова...

- Родной брат?
- Роднее не бывает.
- А где он?

На этот вопрос ответил не самого высокого роста мужчина с заостренными чертами лица и хищной горбинкой носа. Модельная прическа, клубный пиджак; щеголеватый, ухоженный «от» и «до». Но видно, что в криминале он двумя ногами. Взгляд ироничный, с хитрым прищуром, твердость в нем гранитная, и сила пробивная. Чувствуется, что личность авторитетная. Но на Катю он внешне никак не похож.

- Спартак сейчас за колючкой. Я за него. Мартын меня зовут. Ты кто такой?
- Базальт я. С Карпом работаю...
- С Карпом?.. Он «Евроаз-финанс» держит?
- Ну да, наша точка, – кивнул Костя, опуская ствол.
- И что ты здесь делаешь?
- Как что? Это моя хата!
- А Катя где?
- Не знаю.

– Как это не знаешь? Она час назад звонила, адрес назвала... Что ты с ней сделал? – свирепо глянул на него Мартын.

– Ты это, ты не быкуй, – нахохлился Костя. – Ничего такого я ей не сделал. И где она, не знаю... А час назад она здесь была. Я как раз час назад уехал. А вернулся, нет ее... Значит, она тебе звонила? Зачем?

- Сказала, чтобы я ее отсюда забрал...

Вот так история. Катя, оказывается, вовсе не так беззащитна, как могло показаться. Брат у нее в законе, друзья у него крутые, и податься есть куда. Просто Костя очень понравился ей, и она приняла его помощь. А потом и легла с ним...

В любом случае Кати нет, и ее нужно искать.

- Странно все это, – пожал плечами Костя.

– Что странно?

– Мы были с ней, потом мне позвонили, я уехал, а вернулся – ее нет. А она тебе позвонила, ты за ней приехал, а ее нет... Может, она на улицу вышла тебя встречать? Тут у нас во двор только с одной стороны заехать можно...

- Мы эту сторону долго искали, – покачал головой Мартын. – Никого не видели...

Но все-таки он послал человека осмотреть двор и окрестности.

Базальт прошел в гостиную, глянул на перевернутый журнальный столик. Поднять бы его, но нельзя отвлекаться. За Мартыном нужно следить. Кто его знает, может, он вовсе не тот, за кого себя выдает. Может, он пришел за ней по заданию того же Красницкого. Может, он знает, на что способен Костя, потому и мудрит.

- Ты не веришь мне? – пристально и с насмешкой посмотрел на него Мартын.

Проницательный у него взгляд. И глаза бывалого человека. Наверняка он много повидал в этой жизни. И в жестких передрягах побывал. И жизненные хитросплетения приходилось распутывать. Потому он и видел, что на уме у Кости.

– А почему я должен тебе верить?.. Тут приходили одни недавно. За Катей. У нее дома это было. Поехали, говорят, хрен один с бугра тебя хочет. Она отказалась, так они шприц ей с транквилизатором, чтобы заснула. Хорошо, я рядом был. Умыл обоих, а Катю к себе забрал...

– Что за хрен с бугра? – нахмурился Мартын.

– А ты не знаешь? – внимательно посмотрел на него Костя.

– Нет.

– А почему? Если ты за ее брата, ты должен быть в курсе. И охрану мог бы к ней приставить.

– Я предлагал, она отказалась. Независимой хочет быть...

– А Красницкий ей зависимость предлагал.

– Красницкий? Ну, Красницких много...

– Олигарх Красницкий.

– Ну, слышал о таком... И что он ей предлагал, говоришь?

– Зависимость. Полную от себя зависимость. Хочет, чтобы она его наложницей была. Она ему отказала, так он людей своих прислал... Может, и ты от него, откуда я знаю?

– Я сам по себе... Значит, она с тобой была; ты уехал, а когда вернулся, ее уже не было... Может, ты ее обидел как-то? Может, она не захотела оставаться у тебя?

Мартын достал сотовый телефон, позвонил кому-то, спросил, не появлялась ли Катя Никонова. Оказалось, что нет. Тогда он распорядился сообщить ему, если она вдруг появится.

– Нет, не обижал я ее, – покачал головой Костя.

– А почему так неуверенно? – пронизывающе глянул на него Мартын. И тут же сделал вывод: – Есть за тобой грешок, есть!

– Это личное... И не обижал я ее!

– Стол почему перевернут?

– Даже предположить боюсь, – как от острой зубной боли скривился Базальт.

– Чего боишься?

– А если это снова Красницкий? Что, если снова его люди? Может, они увезли Катю?

– Ну и что теперь делать? – изменился в лице Мартын.

– Не знаю.

– А точно, его люди были?

– От него. Я их расколол, они признались.

– Отвечаешь?

– Отвечаю.

– Тогда поехали.

Костя считал себя крутым и на многое был способен, но при этом не знал, как подступиться к Красницкому. Для начала нужно было выяснить, где он живет, навести мосты к нему, людей организовать, чтобы массой задавить. Непростое это дело, и времени много требует. Зато Мартын думал недолго.

Люди у него есть – четыре бойца плюс два водителя, бронированный «Мерседес» и джип с охраной. Все правильно, Катя нуждалась в его помощи, значит, с ней что-то произошло, поэтому и прибыл он к ней во всеоружии.

А еще у него была информация. Он позвонил какому-то Мише, и тот спустя какое-то время объяснил ему, кто такой Красницкий.

– Солидный человек, – сказал Мартын, обращаясь не столько к Базальту, сколько к самому себе. – Олигарх. Банк «Багратион», нефтяная компания «Восток-Запад»... Очень крупная нефтяная компания, подарок от самого Ельцина... Ты должен понимать, что это такое.

– Понимаю, – кивнул Костя.

Слышал он эту историю с беспардонным разделом российской нефтянки. Банк «Багратион» и ему подобные предоставили президенту кредит под выборы, а в залог получили самые лакомые куски государственной собственности. Реальная стоимость компаний, которые получил Красницкий, в сотни раз превосходила кредит. Все это было сделано нарочно, чтобы отблагодарить придворных банкиров за преданность Ельцину и его семье. Как и должно было случиться, денежный кредит в банк не вернулся, и залог стал собственностью Красницкого. Получается, он и банкир, и нефтяной магнат. И особа, приближенная к императорскому двору. Олигарх, короче.

Где находился его дом, Мартын не узнал – для этого требовалось время, которого не было. Но зато был известен адрес банка «Багратион». Туда они и направились.

* * *

Олеся лежала на боку в позе Венеры с зеркалом. Есть такая картина Веласкеса, только Олеся не подпирала голову рукой и на себя не любовалась. Но она так же полностью обнажена, и талия у нее тонкая, и бедро крутое. И задние опции такие же ядреные и округлые.

Она спала, но Феликс уже проснулся, и, значит, ей пора действовать. Он шлепнул ее по заднице, и девушка тут же пришла в движение.

Есть такой фильм, «Поездка в Америку» называется, так там африканского принца злит бесхребетная покорность невесты, которую предложили ему родители. Что ж, каждому свое. Феликсу же, напротив, такая африканка понравилась бы. Женщина должна знать свое место и полностью зависеть от своего мужчины, тогда она безропотно будет выполнять его желания. Тогда она будет делать абсолютно все. Надо будет, и червяка живого съест в угоду ему. И не будет измываться над ним, как Любка из параллельного класса глумилась над Феликсом в школьные годы...

Любку он унизил еще три года назад. Нашел ее, сделал так, чтобы она оказалась в дешевом притоне, где по ней протопталось целое стадо похотливых мужиков. А потом появился сам, в образе спасителя. Снял для нее квартиру, поселил в ней, и сломленная Любка ужом выкручивалась, чтобы угодить ему. Такого удовольствия, как в первую ночь с ней, он не испытывал никогда. Со временем острота ощущений притупилась, но все равно время от времени он бывает у нее, чтобы потешить свое самолюбие. Феликс ворочает миллиардами, и ему ничего не стоит арендовать для нее жалкую «двушку» на окраине Москвы. Большого она не достойна...

Олеся приехала в Москву прошлым летом из Киева. Как всякая порядочная девушка из Украины, она должна была выйти на панель, но нет, Олеся выбрала другой для себя путь – устроилась торговать в цветочном ларьке. О чем вскоре пожалела. Хозяином у нее оказался азербайджанец; сначала он сделал так, чтобы Олеся попала на деньги, а затем заставил отрабатывать долг. Она говорит, что упрямялась, но вопрос поставили ребром – или наклоняйся, или живой домой не уедешь. Олеся выбрала первое, и пошло-поехало... Пока Феликс ее не приметил. Он забирал ее к себе в расчете, что эта красавица в ногах у него стелиться будет, лишь бы к прежним хозяевам не попасть. И действительно, в общении с ним она была послушной как задавленная жизнью рабыня. Любое желание в любое время дня и ночи.

И еще она ни в чем не была перед ним виноватой, поэтому и жила в гораздо лучшей квартире, чем Люба. Да и навещал ее Феликс гораздо чаще.

Олеся знала свое дело, и с кровати он поднялся в отличном расположении духа. Как вампир высасывает кровь, так и он забрал у этой безвольной жертвы часть ее энергии, зарядился ею на весь день. А вечером он будет у Катенка, у этой певички, которая посмела ему отказать. Он приготовил для нее роскошные апартаменты, уготовил ей особую роль при своей священной персоне, а она оскорбила его и выставила на посмешище. Такое не прощается, поэтому она уже

у него в силках. Непросто это было сделать, пришлось проводить расследование, встречаться с непростыми людьми, но игра стоит свеч. От Кати Никоновой он получит столько энергии, что сможет перевернуть весь мир. К чему он, в общем-то, и стремится. Никуда она от него не денется. Такой уже у Феликса характер – если он чего-то очень захотел, то обязательно этого добьется. А Катю он хочет очень-очень. И она станет его невольницей...

Олесе повезло, она его официальная любовница. Это значило, что Феликс мог у нее ночевать. Здесь все условия, чтобы он мог собраться на работу. Да и она старается не покладая рук. Сначала в постели отработала, потом на кухне, а костюм отглажен еще с вечера. Сорочки она не стирает, потому что Феликс имеет свойство пользоваться только новыми рубашками. И носками тоже. Хотя, стоит признать, были времена, когда приходилось донашивать одежду старшего брата, но все это в прошлом. В будущем его ждет еще больший успех.

Во дворе его ждал лимузин и две машины с охраной. Он очень важный человек, и у него много врагов, поэтому ради страны и ради себя он обязан заботиться о собственной безопасности. И он не жалеет на это денег. Ведь на том свете, как известно, они не нужны.

И секретарь уже в машине. Анатолий не просто его референт, он правая рука Феликса. Он в курсе всех его дел, превосходно владеет ситуацией, да и дельный совет всегда может дать. Словом, незаменимый человек. Но он целиком и полностью зависит от своего босса, поэтому не позволяет себе фамильярности в общении с ним. Незаменимых людей нет, Анатолий это прекрасно понимает, поэтому и покорность у него рабская. Он никогда не настаивает на своих рекомендациях и всегда соглашается с мнением Феликса. Хотя на вид он не похож на бесхарактерного слизня, скорее наоборот. Прямой взгляд уверенного в себе человека, правильный нос, широкое лицо, волевой подбородок с ямочкой. Да и в своем отношении к нижестоящим людям он далеко не ангел. Но Феликс для него бог, и он поклоняется ему без стыда и упрёка.

– Я так понимаю, настроение у вас, Феликс Михайлович, отличное.

Улыбка у него бодрая, живая и, как это ни странно, от души. Во всяком случае, фальши в ней не заметно.

– Как всегда... Как там наша звезда? – вытягивая ноги, вальяжно спросил Феликс.

Места в машине много, диван мягкий, удобный, и ощущение комфорта держится здесь достаточно долго. Это не отцовский «Запорожец», над которым когда-то смеялась Любка из параллельного класса. Сейчас она, конечно, не смеется. Но память осталась. Злая память.

– Спит пока.

– Когда проснется?

– Думаю, часа через два. Потом она должна свыкнуться с мыслью, что деваться ей некуда.

– А там и я подъеду, – кивнул Феликс.

Возможно, Катенок сделает ему подарок уже этим вечером.

– Я не знаю, вам решать, – замялся Анатолий. – Но я бы отпустил ее. Могут возникнуть проблемы.

– Проблемы – это моя стихия, если ты не знаешь.

– Да, конечно.

– Подумаешь, какой-то бандитский отморозок за нее заступился... Так он свое уже получил. Наверное...

Феликсу все равно, сколько у Кати было мужчин до него, главное, чтобы их не было после. Он знает, как довести ее до скотского состояния, чтобы она даже не помышляла о других самцах...

– Дело не в этом отморожке, – покачал головой Анатолий. – Я не стал звонить вам, беспокоить, но вчера ночью за Катю хлопотал некий Мартынов Алексей Павлович.

– Кто такой?

– Криминальный авторитет по кличке Мартын. Друг Спартака Никонова.

– Это кто такой?

– Брат Кати. Родной брат. Он сейчас отбывает срок...

– Уголовник?.. Какое мне дело до какого-то уголовного? – пренебрежительно поморщился Феликс.

– Он не просто уголовник; а крупный криминальный авторитет. У него два рынка в Репчино – вещевой и строительный. Это очень серьезный бизнес, деньги там крутятся очень большие. И еще у него в Москве несколько казино, которым он делает «крышу»...

– Какая «крыша», если он сидит?

– У него Мартын на воле. Этот парень – его цепной пес. Что Спартак скажет...

– Плевать мне на этого Спартака. Про Репчино я слышал; спустим туда ментов, они этого Мартына, как немцев под Москвой... А рынки эти Карп возьмет, он человек свой, проверенный. И бригада у него сильная... Впрочем, он и сам может заняться Мартыном. А мы ему поможем. Карп в ноги нам будет кланяться за такой подарок...

– Не все так просто. Спартак не просто крышует рынки, они у него в собственности находятся. Это акционерное общество, и у него контрольный пакет. Так что так просто его оттуда не выбить, – покачал головой Анатолий. – И казино у него свои. Во всяком случае, два из них точно в собственности. Да и не подпустят Карпа к казино, там воры все контролируют.

– Но Спартака же подпустили.

– Так он и сам вор. В законе. Никон его кличка. Вор в законе Никон. До Япончика ему, конечно, далеко, до Деда Хасана тоже. Но все-таки в законе. И здесь, в Москве, ему прочат большое будущее...

– Кто прочит?

– Воры. Его пиковые воры короновали, а сам он славянин. Его и славянские воры признают, и кавказские. Сами они между собой конфликтуют, а Никон может стать связующим звеном между ними. Но стать таким звеном не просто. Здесь одной короны мало. Здесь всеобщее признание нужно. А он в зону как апельсин шел, как вор-скороспелка. Но уже здесь, в Подмосковье, тюрьму под себя поставил. И зону разморозил, воровскую власть там утвердил. Воры это ему в заслугу ставят. До всеобщего признания еще далеко, но Спартак себя поставит, в этом никаких сомнений. У него свои люди в воровской среде. И дела он умеет делать, если казино смог под себя взять. И взять смог, и удержать. Таких людей в воровском мире единицы. Это не мое мнение, это мнение законного вора, с которым я говорил...

– Когда же ты успел?

– Ну, это моя работа, – улыбнулся Анатолий.

– Да, оперативности тебе не занимать... Но все ли так мрачно, как ты нарисовал? Может, Спартак этот реально ничего собой не представляет?

– Вам, Феликс Михайлович, видней... А если представляет?

– Если бы да кабы... Есть люди, которые решают проблемы раз и навсегда, – не хотел сдаваться Красницкий.

– Никон в законе, с ним так просто не решишь. За него как за вора спросят. А за вора спрос один – смерть...

– Все это легенды, – поморщился Феликс. – Бабушкины сказки...

– За Спартаком реальная сила. У него бригада своя, а это как минимум полсотни проверенных бойцов. И карательная бригада у него есть. А там те самые специалисты, которые решают проблемы. И на вас он, Феликс Михайлович, не посмотрит. Ему все равно, что вы очень большая величина. Для него вы прежде всего человек, который оскорбил его родную сестру... Я вам больше скажу, он сотрудника милиции чуть не убил – из-за того, что тот жену его оскорбил. Бедняга еле выжил, а Спартак в тюрьму за это сел. И еще раз сядет, если с вами вдруг что-то случится. Но не думаю, что вам от этого будет легче...

– Хватит, – болезненно скривился Красницкий.

С Карпом у него деловые отношения, поэтому ему ничего не стоило разрешить через него проблему с Катей. Но здесь другой случай. Вор в законе на высоком пьедестале из больших денег и с реальным оружием в руках – серьезная проблема. Феликс мог схлестнуться с ним, но без гарантии на успех. Ведь пуля дура, ей все равно, кого убивать – бомжа с вок-зала или человека из высших слоев общества. Потому и одолевали сомнения. А Спартак вряд ли будет колебаться в своем выборе, идти против олигарха или нет. Задета честь его родной сестры, какие тут могут быть сомнения?..

– Может, у него не все гладко с Катей? – с надеждой спросил Феликс. – Почему он не помогал ей, если у него деньги? Ираклий мне бы сказал, если бы у нее были сильные покровители.

– Может, она стесняется своего брата? Девчонка она неизбалованная, на юриста учится, а брат – уголовник...

– Может быть...

– Надо бы ее отпустить, пока не поздно. С ней ничего такого не случилось, и наказывать вас не за что.

– Меня?! Наказывать?! – пренебрежительно фыркнул Феликс. – Да она мне в ноги должна кланяться за то, что я обратил на нее внимание...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.